
Айрин Бран

Черное платье Империи

Летопись Подлунного мира

книга 2

Айрин Бран
Черное пламя империи.
Летопись Подлунного мира

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507483
ISBN 9785005068897*

Аннотация

Императорская корона стала тяжелым бременем для Маэля ар Вариара. Империя Мирэй в пожаре войны, часть ее земель под гнетом захватчиков, а в столице не знают, кто их враги. Императору предстоит нелегкий путь: собрать свою империю по частям, спасти свою любовь и не потерять друзей. Справится ли он с этой непосильной задачей? И чью сторону примут эльфы в этой войне людей? А в небо уже взметнулось черное пламя.

Содержание

Предисловие	6
Часть третья. Пламя разгорается	12
Глава первая	12
Глава вторая	43
Глава третья	83
Глава четвертая	121
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Черное пламя империи Летопись Подлунного мира

Айрин Бран

Дизайнер обложки Анастасия Еловицова

Корректор Анна Вектор

© Айрин Бран, 2019

© Анастасия Еловицова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6889-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Война – это естественное состояние всех живых существ,
которое они стараются отрицать всеми фибрами души.*

Они сражаются за пищу, территорию, самок и за свою

жизнь. И ничто не может этого изменить. Даже наличие морали.

Предисловие

Ярость полностью поглотила все его существо, заставляя вцепиться в рукоять меча, скрипеть зубами, сдерживая рвущийся наружу рев. Рев, полный гнева и одного-единственного желания – отомстить. Отомстить за поруганную империю, гордость, любовь. Эта ярость, порожденная жаждой мщения, застилала его взор кроваво-красным. Императору казалось, что кто-то накинул на мир красную пелену, и пока он не выпустит свой гнев и жажду убийства, ничто не спасет этот мир, залитый солнечным светом, который сейчас скрыт от него кровавой пеленой.

Перед лохосами армии Мирэй раскинулась растерзанная врагом Самата, вернее, то, что от нее осталось: обгоревшие остовы зданий с провалившимися внутрь крышами, обрушившиеся стены, закопченные мостовые, разметанные по площадям остатки некогда прекрасных скульптур, безвольно висящие на окнах ставни и занавеси, когда-то бывшие гордостью хозяек этих домов. Еще до начала боя Маэль видел тени прежних жителей города, что бродили среди обломков их жизней, словно говоря о том, что потеряно навек. И лишь, когда мирэйцы пошли в атаку, эти тени исчезли с улиц, растворившись внутри скелетов собственных домов. Казалось, что воздух до сих пор воняет кровью и горелым человеческим мясом. Но почему-то не это заставляло

воинов Мирэй скрипеть от ярости зубами. Главные ворота Саматы, гордость и краса портового города, исчезли в вечности, превратившись в груды бесформенных камней. Лишь отдаленно в них угадывались очертания скульптур, что украшали их своды. Их уже нельзя было восстановить, император это понимал, и его это гневало так же, как и покалеченный императорский дворец, чей наполовину обглоданный остов возвышался над городом.

В крови Маэля вновь вскипела ярость. Гнев, захватывающий душу, застилающий глаза кровью, пропитывающий своей чернотой кости, затапливающий самое его существо неконтролируемой яростью. Очередной безликий враг вскрикнул под его ударом, расставаясь с жизнью и глядя остановившимся взглядом на того, кто отнял его жизнь. А тот отчетливо почувствовал, как клинок его меча встретил сопротивление кольчужных доспехов, подроспешной одежды, плоти... Император облизнулся, слыша этот протяжный вздох, что сорвался с губ поверженного противника. По улицам Саматы снова текла кровь, но в этот раз не мирэйская, а тех, кто посмел захватить этот город.

– Ваше величество, – голос командующего его гвардией вырвал императора из боевого угара, которому он с радостью дал себя охватить.

– Говори, Элер, – Маэль поднял забрало, позволяя себе вдохнуть обжигающий, терпкий запах битвы, заполнить им легкие, буквально ощутить безумие боя изнутри. – Что у те-

бя?

В нос ударил металлический, отдававший сладковатым отблеском, запах крови. Он тут же заскрипел на зубах, словно песок, принесенный ветром. Такой привычный и вечный и вместе с тем пугающий, как самые потаенные страхи, которые прячут люди в глубинах своей души.

– Крепость правителя Саматы держится, – голос Элера ан Къель да Скалэя звучал устало, несколько хор боя, уже проникли в его мышцы, сковав их.

Они перемалывали заплонивших Самату врагов без устали. Время слилось в единую, огромную бусину, которая уже не делилась на мгновения. Мышцы Маэля протестующе запылились, стоило ему только ему остановиться, перестать рубить врагов, а боевой ярости, в которой он пребывал с начала атаки на Самату, уйти, оставить его без своей поддержки. Император упрямо потрянул головой, стискивая зубы. Сейчас не время отдыхать. Впереди их ждала война за империю.

– Наши успехи?

– Дворец отбит, мы освободили несколько кварталов, идут бои за порт, ваше величество.

– Хорошо. Перекиньте один лохос на крепость, командующий, – Маэль повернулся к Линарту ан Эльди Вираю, который как раз в этот момент подъехал к своему императору. Мужчина поднял забрало и старательно вытирал пот с лица, насколько ему это позволяли перчатки, но скорее размазывал копоть и кровь. – Следует отбить ее у противника как

можно скорее. Гарнизон поможет нам. Ударим с двух сторон.
– Слушаюсь, ваше величество.

Командующий армией империи Мирэй нехотя опустил забрало, развернул коня и галопом умчался в сторону командной ставки, насколько позволяли ему силы уже порядком измотанной лошади. Двадцатый фениксовый лохос тут же пришел в движение, активно маневрируя в сторону крепости. Ее защитники словно почувствовали скорое освобождение. Их фигурки на стенах пришли в движение, на стенах появились стрелки. Захватчики постарались ударить в стены тараном, несмотря на весь хаос, что творился вокруг, но гарнизон огрызнулся залпом из луков, который значительно проредил прижавшихся к их стенам врагов.

Тяжелая, казалось, неповоротливая махина конного лохоса повернула, наконец, правый фланг и приливной волной с головой накрыла жалкие остатки наглецов, дерзнувших когда-то захватить имперский город. Все офицеры лохоса были в первых рядах и рубили одетых в безликие черные доспехи врагов, не позволяя им вырваться из смертельной ловушки, которую им столь быстро организовали мирэйцы. Зажатые между наступавшим на них лохосом и стеной крепости, которую они так и не смогли взять, они быстро гибли под ударами мечей воинов Мирэй, которых, казалось, подпитывала ярость бога войны Уна, наконец-то переставшего терпеть врагов, топчущих его земли. Та самая, которую лишь несколькими мгновениями ранее испытывал их император

в жажде мщения.

– Интересно, как им удалось выстоять все это время? – спросил Маэль, наблюдая за тем, как распахиваются ворота одетой в серо-голубой камень резиденции правителя Саматы и оттуда стремительной волной вырываются ее защитники, вливаясь в битву.

– Могу предположить, что там укрылись и саматские эльфы, некоторые из них, надо полагать, не пожалели своих жизней, чтобы установить магический щит, который и не смогли пробить наши враги, – ответил ему Элер, замерев рядом со своим императором, и зорко следя за тем, чтобы тому ничего не угрожало.

– Что ж... Стоит их хорошо наградить потом за столь верную службу империи. Но потом. А пока отвоюем Самату у этих выроdkов, Элер.

– Всенепременно, ваше величество.

Командующий императорской гвардией Элер ан Къель да Скалэй щелчком опустил забрало, готовый сопровождать Маэля хоть в подземный мир Ула, если тот туда отправится, дабы защитить свою империю. Гвардия следовала за своим императором сквозь хаос битвы за Самату, прикрывая его от ударов врагов, в то время, как он уничтожал их одного за другим, упиваясь убийствами. Его радовало, когда металл прогрызался сквозь металл, когда его ушей касались звуки, срывавшиеся с их губ, когда жизнь гасла в их глазах. Маэль мстил. И эта месть грела его душу, принося сиюминутное

удовлетворение.

Часть третья. Пламя разгорается

Глава первая

Третий месяц весны вирар. Тридцать третий день месяца.

144 год от рождения империи

Столица великой империи Мирэй медленно приходила в себя после тяжелых мгновений, которые ей пришлось пережить, когда враг подступил к ее стенам и готов был уничтожить ее. Жители вновь начали улыбаться – открыто, искренне, осознавая, что им удалось избежать тяжелой, печальной участи, которую готовили им враги их империи. А понять их цели было несложно – уничтожение. С востока страны доходили слухи о зверствах, которые творили напавшие на Мирэй: массовые казни, когда, по рассказам беженцев, ветви деревьев ломались под весом нескольких тел, а тех, кому не хватало места на деревьях ждали столбы и смерть от голода и жажды, а еще клювов птиц и зубов диких животных. Некоторые деревеньки сгорели вместе со всеми жителями; рассказывали и о том, как у оказавших сопротивление отнимали детей, не только младенцев, но и вполне осознающих себя, загоняли под копыта лошадей своей армии, и те уми-

рали жуткой, мучительной смертью, растерзанные острыми шипами боевых подков. Так враги истребляли даже зачатки мыслей о сопротивлении. Это была война на уничтожение. Бежавшие от войны рассказывали еще много ужасов, от которых пробирал мороз даже посреди теплой весны, а страх впивался когтистыми пальцами в сердца. Люди боялись. Боялись и осознавали, какой участи им удалось избежать благодаря неожиданному возвращению наследного принца. С их лиц постепенно ушла печать смертельной, серой усталости, делавшей их похожими на призраков, уступив место тихой радости и иногда счастью. Горожане с большим энтузиазмом разгребали завалы на улицах, которые они же сами построили, готовясь к штурму города, казавшемуся неминуемой стихией, готовой вот-вот захлестнуть их город, пронестись ураганом по их улицам, разрушить градом их дома. И горожане были готовы носить на руках пришедшие им на помощь лохосы. Каждого воина, и даже их лошадей. Офицеры и их подчиненные старались поменьше выходить на улицы Ари-са, ведь каждый лавочник, каждая хозяйка старались угостить их, не взяв за это ни медяка.

Солнце выбралось из-за густых, кучевых облаков только к полудню, осветив лик столицы. Уже три дня с той славной победы столица не видела его яркого, дарующего жизнь золотого лика. Теперь же его лучи скользили по крышам, стенам, окнам, возвращая тепло и надежду, да и саму жизнь. Небо постепенно освобождалось от облачного плена, возвра-

щая себе яркую, чистую лазурь. Тень медленно и неохотно отползала от города, оставляя все больше районов, наконец, и дворец ярко засиял, охваченный солнечным светом, словно жертвенным огнем, горящим на алтаре в храме. Суеверные мирэйцы истово молились Уру и Уну, благодаря их за спасение от грозной черной тучи врагов, жаждавших их крови, и считали, что императорский дворец охвачен очистительным огнем, который вернет империи ее величие.

Императору Мирэй Маэлю ар Вариару было не до молитв и не до надежды, в его голове роились иные мысли. Шел уже третий день, как он заперся в зале Имперского совета со своими соратниками, ища выход из сложившейся ситуации. А она была плачевна, поскольку они даже не знали положение дел в империи: сколько городов уже потеряно, сколько еще держится, да просто кто на них напал и с какой целью – они не знали ничего. А враги вели себя нелогично, уничтожая народ империи, не позволяя оставшимся в живых засеивать поля. Но вести эти были обрывочны, ведь доставлялись лишь немногими беженцами, которым удавалось добраться до столицы. Вся прочая налаженная ранее связь буквально расползлась, как рыбацкая сеть, сотканная неумелым рыбаком, одна из нитей которой была перерезана, а следом за ней начали расползаться, расплетаясь, другие нити. Буквально в мгновение ока столица империи оказалась без своей разведки, которую пестовали все эти годы, без сети шпионов в самой империи и добытых ими сведений. А без них

корона была слепа, словно новорожденный котенок.

– Что с главой тайной службы? – Маэль устало потер двумя пальцами переносицу, откидываясь на высокую спинку стула. Невероятно хотелось спать, но он понимал, что даже если положит голову на подушку – заснуть у него не получится. – Где сейчас Великий шпион? О нем что-нибудь слышно?

– После того, как вы отбыли в Самату в компании дочери Дарьенала Восты, Варен ат Елар Винарз отбыл в Лайю. Ему пришлось покинуть столицу, поскольку бывший глава Совета отрезал его от всего, что только было возможным, ваше величество, – ответил на вопрос императора Линарт. – Это оказалось сильным ударом для Великого шпиона, поскольку шпионская сеть Восты сопротивлялась ат Елару с особым усердием. Их противостояние изначально было несправедливым, почивший император поддерживал Восту, и в какой-то момент, сеть Восты отрезала шпионов главы тайной службы, а заодно и его информаторов от важных сведений. Я бы сказал – от жизненно важных сведений. До меня дошли слухи о том, что шпионов тайной службы убивают. Просто и без затей.

– Сколько еще бед натворил этот старый выродок, прежде чем лишился власти? – выругался Маэль.

– Боюсь, что много, – вздохнул глава Имперского совета Лоэналь Аминирах Вират. – А еще больше нас ждет впереди.

Эльф был мрачен, словно туча, готовая обрушиться на столицу даже не шторм, а снежную бурю. Его синие глаза по-

темнели, став фиолетовыми, и продолжали темнеть, все ближе подступая к черному, чем дольше он вчитывался в доклады, предоставленные всеми оставшимися в столице членами Имперского совета. Ему совершенно не нравилось то, что творилось в столице, еще больше ему не нравилось то, что, как он предполагал, происходило в империи. А то, что он не знал, как успешно и безболезненно разгрести свалившиеся на них проблемы приводило его в состояние холодной ярости.

– Давайте начнем с самых серьезных, – поморщился в ответ Маэль. – А потом уже подумаем обо всем остальном.

– Конечно, – Лоэналь кивнул и, отложив доклады, посмотрел на внука. – Самая главная наша цель сейчас – это понять, наконец, кто на нас напал? Не потому что безликий враг пугает больше. Это нам необходимо для того, чтобы понять, какими ресурсами обладает противник, и какую тактику нам следует использовать, чтобы лишить его возможности воспользоваться ими. Пока мы ничего не можем предпринять, ведь мы лишились своей сети шпионов, а магический шпионаж результатов не дает. Его возможности ограничены. Мы можем отправлять магических шпионов на небольшие расстояния, а войск противника поблизости от столицы сейчас нет. А на далекие расстояния магического шпиона отправлять нет смысла. Сил уйдет много, а толку будет мало. Даже я или Самаль не смогли бы провести его через всю империю, а то и за ее пределы. Поэтому помочь нам сможет толь-

ко обычная разведка. Не смотрите на меня так. Магия вовсе не всесильный инструмент в наших руках, ее возможности ограничены. Вернее, наши возможности и силы для управления этими силами. Впрочем, сейчас не о том.

– Пойдите, – Линарт ан Эльди Вирай был возбужден, словно вспомнил что-то очень важное, что ускользало от его внимания раньше. – Почти перед самой атакой в Арис пришли три бордельных девицы...

– Великий полководец! – раздался возмущенный возглас. Верховный жрец Эмтар аж подпрыгнул на своем месте, с укоризной посмотрев на воина.

– Простите, Молящийся за нас, но из песни слов не выкинешь. Они те, кто они есть, – усмешка Линарта говорила о том, что он не особо переживал о чувствах клирика, а извинился скорее по привычке. – Так вот, о чем это я? Ах, да. Пришли в столицу три девицы свободного поведения вне норм принятой морали, – бросив взгляд на грозно хмурящегося жреца добавил он. – Они принесли сведения из Аркуса. Там оказались шпионы наших врагов, которые планировали нападение на экипажи боевых кораблей. Возможно мы по деталям сможем понять, кто эти злодеи?

– Я и без допроса девиц скажу вам, кто эти шпионы, – пожал плечами Лоэналь. – Часть наших врагов с Серых островов. Это, несомненно. И их ресурсы сильно ограничены. Но понять, кто их союзники... Вот что нам необходимо. Без них островитяне не посмели бы напасть на Мирэй. Их пра-

витель не дурак, и понимает, что ресурсной базы для такой войны им не хватит.

– Я хочу знать, кто скрывается за черными знаменами и доспехами! – внезапно рявкнул Маэль, бахнув кулаком по столу. – Придумайте, как нам это выяснить, невзирая на затраты! Ни денежные, ни людские.

– Да, ваше величество, – хором отозвались все присутствующие.

– Ваше величество, сейчас надо привести в порядок столицу, – осмелился вклиниться в разговор сильных мира сего командующий городской стражей империи Эггар Кодорра. – Это поднимет боевой дух подданных империи и ее воинов. Они будут защищать ее с большим рвением.

– Думаю, вы правы, командующий, – кивнул император, явно остывая. – Мы слишком увлеклись нашими насущными проблемами и забыли о душах людей. Нам следует устроить праздник по поводу нашей победы над врагом под стенами Ариса, чтобы заполнить сердца мирэйцев радостью и надеждой, а души врагов страхом. Молящийся за нас, устройте великие моления и богатые жертвоприношения богу войны Уну, чтобы он даровал твердости нашим сердцам, верность нашим рукам и победу над любым врагом, что ступит на нашу землю, каким бы богам он не служил.

– Все сделаю, ваше величество, – поклонился Эмтар. – Да сразит сила Уна любых врагов империи. Да отправятся они в мир Ула.

Советники невольно заулыбались. Хотя на их посеревших от усталости лицах эти улыбки смотрелись блеклыми тенями обычных. Каждый из собравшихся понимал, в какую сложную ситуацию попали они благодаря глупости почившего императора и недалеким решениям главы его Совета, который ради собственного величия едва не уничтожил империю, подложив ее тепленькую под врага.

– Командующий стражей, вы выяснили местонахождение Дарьенала Восты? – внезапно спросил император.

– К сожалению, нет, ваше величество, – покачал головой Эггар. – Боюсь, он скрылся вместе с некоторыми беженцами, что ушли из города сразу же после того, как появились новости о приближении врага. Тогда никто не проверял их поток.

– Это плохо... – Маэль в который раз за это заседание потер переносицу, отгоняя усталость. – Боюсь, что он доставит нам еще немало неприятностей. По меньшей мере шесть лохосов до сих пор верны ему до последнего солдата, и возможно нам придется воевать на два фронта: с внешним врагом и с внутренним. Я надеюсь, что он даст нам немного времени, чтобы перегруппироваться. Благо что почти весь верный ему флот был уничтожен прямо в портах. У него осталось не более семнадцати верных ему экипажей и все они, насколько я понимаю, в Намии. Я ничего не упустил, Великий флотоводец?

– Нет, ваше величество, – кивнул императору новый командующий имперским флотом Дэнэйт ан Эгат Мастерэль,

который оказался в Арисе во время осады почти случайно, приехав за своей сестрой, чтобы спасти ее от завоевателей. Его помощь Иннэйте не потребовалась, а вот должность командующего имперским флотом он получил, как только император сместил с нее ставленника Восты, – Вы совершенно правы. После гибели кораблей в Самате и захвата Маазера Воста лишился практически всего верного ему флота, и на море он нам не так и страшен. Мои парни задушат их прямо в Намии. Правда, могут возникнуть проблемы с лохосом, расквартированным в городе. Это Восемнадцатый красного змееголова, они верны Восте, и будут биться за него до последнего.

– Советники, ваше величество, флот – это, конечно, прекрасно, но мы, кажется, отвлеклись от более насущной проблемы, – прервал их диалог Линарт. – У нас тут неизвестные враги в империи хозяйничают, а вы о внутренней борьбе за престол. Давайте выдворим их за пределы нашей империи, а потом уже займемся Востой и его ничем не обоснованными притязаниями, между прочим, на власть в Мирэй.

– Лучше заниматься этим одновременно, – подал голос Лоэналь. – Иначе этот старый змеиный выродок ударит нам в спину в самый неподходящий момент, когда мы меньше всего будем этого ожидать. Гражданская война – страшная вещь, надо сказать. Мы – эльфы – хорошо это знаем. Пережили ее и не раз. Напомню, что в ней не бывает победителей.

– Сложная задача, глава Совета, – вздохнул император. –

Дело в том, что нам не хватает информации. Мы не знаем точного положения дел в империи. Не знаем, кто против нас воюет. Не знаем, кто остался верен короне, а кто лелеет надежду урвать кусок империи пока мы будем воевать с Востой. Да что там говорить – мы вообще ничего не знаем. Придется действовать по обстановке, реагируя на каждое изменение ветра. Но я все же хотел бы быть точно уверен в том, на что я могу рассчитывать сейчас. Что в Элеане?

– Гражданская война... – голос Лоэналя звучал обманчиво спокойно. – Потому Самаль так и не вырвался оттуда. Защищает корону и свои земли. И я не могу гарантировать, что он вернется в ближайшие месяцы. Все будет зависеть от того, насколько быстро Кириаль задавит бунт родственников низложенной королевы.

– Значит, мы стеснены в магах. Придется играть от этого, – задумчиво произнес Маэль.

– Что вы задумали, ваше величество? – вступил в разговор Великий казначей империи, старый Тетмар ат Вастерий.

Его почтенный возраст не позволил ему покинуть столицу империи вместе с немногочисленными беженцами, которым удалось бежать до того, как кольцо врагов удавкой сжалось вокруг города. И потому он решил остаться в Арисе, невзирая на все опасности, которые ему грозили из-за такого решения, да, впрочем, и выхода у него не было. Враг все решил за него. Его владения защищали трое его сыновей, еще один, старший, служил лохатом верного императору Второго

белого тигриного лохоса. Ат Вастерий считал, что сыновья смогут сослужить империи и императору хорошую службу с оружием в руках. Гораздо большую службу, чем если бы они были придворными или прозябали на службе в органах управления империей. И Тетмар был уверен, что младшие сыновья тоже возьмут мечи в руки и выступят на защиту империи.

– Я хочу провести разведку. Связаться с правителями городов и герцогств, чтобы узнать: что мы потеряли, кто еще держится. – спокойно произнес меж тем император.

– Могу сразу заверить вас, ваше величество, в том, что графство Стумир, что принадлежит мне, верно короне и останется таковым всегда. Сегодня на рассвете прилетел лимринг с посланием. Все города и замки графства под властью империи, а мои сыновья готовы защищать ее с оружием в руках.

– Хорошо, Великий казначей. Осталось собрать сведения об остальных частях империи. А тут мы можем положиться только на лимрингов и магическую связь между эльфами. Глава Совета, в каких имперских городах есть ваши соплеменники, с которыми есть возможность связаться? И сколько эльфов, владеющих магией мысленной связи, осталось в столице?

– Такой вопрос лучше задавать Великому магу империи, ваше величество, но я могу точно заверить, что среди моих воинов есть маги с подобными знаниями. И они готовы

оказать помощь своим братьям, что живут в империи Мирэй. Мы раскинем над ней магическую сеть, которая позволит нам определить, где сейчас живут наши собратья. А затем мы их спросим о том, что происходит. Но это отнимет много жизненной энергии, а также времени, – задумчиво ответил Лоэналь. – Для рационального использования наших сил нам следует исключить из сети города и земли, статус которых доподлинно нам известен, и обстановка в них не вызывает сомнений и не требует оперативного определения.

– Тогда вы точно можете исключить Самату, Лайю, графство Стумир, Аркус и Маазер, – кивнул, соглашаясь с ним, Маэль. – Так же подготовьте послания для отправки с лимрингами. Подстрахуем магов. Мало ли что может произойти, у врага тоже могут быть маги, которые смогут нейтрализовать наши заклятия, да и не во всех имперских городах есть эльфы.

– Конечно, ваше величество, – кивнул Эггар, принимая этот приказ. – Что-то еще? Какие будут приказы?

– Думаю, нам стоит отдохнуть, – голос императора резко просел, стоило ему только позволить себе заговорить об отдыхе. – Все что мы могли за это время решить – мы обдумали и обсудили. Остальные решения требуют знаний о том, что творится в империи. Глава Совета, не забудьте еще, что Мирэй не сможет обойтись без Великого зодчего. Слишком много нам предстоит отстроить после этой войны. На этом на сегодня все. Молящийся за нас, обязательно верните на-

жду жителям столицы и империи, мы поможем вам в этом, только попросите. И пусть жертвенный огонь согревает храм вечно.

С этими словами Маэль поднялся со своего кресла, и каждый заметил, как сильно император устал за эти дни. Его спина недолгие несколько мгновений была согбена словно под тяжким грузом, но он тут же взял себя в руки, и распрямылся, расправил плечи. Все советники точно так же поднялись на ноги, склонив головы перед своим правителем, который был их надеждой и опорой империи. Элер тенью последовал за Маэлем, когда тот покинул зал Совета широким, уверенным шагом. Но, к удивлению командующего гвардией, император не направился в свои покои, чтобы погрузиться в короткий сон и набраться сил. Звук его тяжелых шагов эхом раздался в коридорах дворца, пока не замолк возле неприметной двери из темного дерева.

Теплый, желтый свет факелов, закрепленных по обе стороны от двери, плясал по стенам из грубого серого камня, терялся в темноте коридора, которую ему не суждено было разогнать. Подземная темница для аристократических особ, совершивших тяжкие преступления против империи и короны, соединялась с императорским дворцом длинным темным коридором, который император преодолел за несколько мгновений. Он был построен специально для того, чтобы монарх мог побывать на любом допросе, на котором пожелает, и об этом никто не узнает. Ведь император не должен

якшаться с преступниками, какой бы титул они ни носили и какая бы кровь ни текла в их жилах. Элер не раз ходил этим путем, но Маэль по нему прошел впервые. Сейчас же император замер перед этой безликой дверью, каких было много в этом коридоре. Но он точно знал, где ему следует остановиться и куда войти. Элер видел, как сжимаются и разжимаются кулаки Маэля, император пытался сдержать kloкотавшую в его душе ненависть. Наконец, резко выдохнув, он толкнул дверь, и шагнул в небольшую, плохо освещенную камеру из необработанного серого камня.

Его встретил испуганный взгляд узницы, но стоило ей только понять, кто к ней пришел, Манисар тут же нацепила на лицо, как ей казалось совершенно безразличное выражение. Надменную маску равнодушия. Это вызвало усмешку у Элера: некрасивое, но все же по-своему, милое личико дочери Восты, которая так мечтала стать императрицей, перекосило от тщательно натянутой на лицо ухмылки, которая показалась ей уместной. Но большего она себе не позволила. Корона сделала Маэля похожим на скалу, которую невозможно сдвинуть с места, нельзя покорить даже самому отчаянному и бесстрашному скалолазу. Казалось, что один только взгляд императора способен убить любого его врага.

– Что вам угодно? – не выдержав повисшую в камере паузу, спросила Манисар.

– Сведения, – спокойно ответил Маэль.

– Боюсь, у меня нет того, что нужно вам, Маэль, – Мани-

сар усмехнулась.

Элер дернулся вперед, чтобы пресечь столь неуважительное обращение к императору, но тот поднял руку, останавливая его.

– Неужели? – Маэль взял стул и уселся на него верхом. – Тогда скажи мне, почему я должен сохранить твою ничемную жизнь, которая и так доставила мне столько проблем?

Его голос бил по натянутым нервам Манисар, словно кнут погонщика заупрявившегося осла, она понимала, что сама загнала себя в эту смертельную ловушку, в которой сейчас пребывала. Впервые девушка подумала о том, что ее мать была права, и ей следовало послушаться родительницу. Марияла прекрасно понимала, что значит дразнить того, чья кровь пахнет сталью и пожарами войны. Но иногда ей хотелось пройтись по этому краю. Взгляд Маэля стал острее стали, которая убивает на поле боя, и именно она сделала его таким. Только теперь Манисар поняла это: она взрастила собственного убийцу, и ничто не спасет ее от расправы. Но и это понимание не изменило ее. Она продолжила ухмыляться.

– Сведения... Так, что вы хотите знать? И, главное, что я получу за это?

– Знать я хочу многое, девица из рода Воста. А получите... несколько лишних месяцев вашей жалкой и ничемной жизни. Где может быть ваш отец? Кто его союзники?

– Я хочу, чтобы меня освободили, – вздернула подбородок Манисар. – И я хочу, чтобы мне вернули титул.

– Напомните, какой титул был у вашей семьи? Что я должен вам вернуть? – прищурился император.

– Но... Я же была наследной принцессой... – осеклась поде его ледяным взглядом Манисар.

– Вы лишь звались наследной принцессой, поскольку ваш отец имел наглость презреть все законы империи и морали, и навязать императорскому отпрыску безродную девицу, которая мнила себя правительницей мира. Ваша судьба сидеть среди рыбьих хвостов, а не на троне. Корона не выбирает тех, кто ее недостойн. Ваше семейство нарушило много законов, вы плевали на многие правила общества, на этикет и мораль. Так какой титул я вам должен сохранить, девица Воста?

– Я должна стать императрицей. Должна! Только тогда я расскажу вам, кто союзник моего отца. И вы не посмеете ринуться на спасение своей потаскушки-фаворитки, Кайи анэ Кьель, – она не заметила тот момент, когда император вскочил со стула и схватил ее за горло, и остановилась лишь, когда его пальцы сжались, и она захрипела.

– Еще звук, – тихим, бьющим по нервам голосом произнес Маэль, глядя в ее распахнутые от ужаса глаза. – Еще хоть одно слово о короне, о mine Кайе или о том, что вы императрица в своих хрустальных мечтах, я поступлю с вами, как это делали предки моего деда. Даже предоставлю вам выбор умереть в зубах стаи змееголовов или на алтаре эльфийской богини возмездия. Есть еще один способ заставить таких как вы прикусить свой язык, и, возможно, умереть от собствен-

ного яда: вам вырвут язык и замуруют в стену. Я не знаю, сколько протянет такое жалкое существо, как вы, но никто не услышит ваших воплей, пока вы будете умирать от голода и жажды. Я могу сделать вашу смерть еще страшнее, прислать к вам ваших родственниц – змей. Так что мне сделать?

– П-простите, ваше величество, – с трудом прошептала Манисар, чье горло сдавливали жестокие пальца Маэля. – Я забылась.

– Хорошо, – Маэль брезгливо разжал пальцы.

Элер холодно смотрел за тем, как девушка осела на пол, прикрыв покрасневшую шею ладонями, словно это могло помочь ей, спасти от отметин, оставленных императором. Впрочем, командующему было не жаль ее. Отчасти она была виновна в судьбе, которая постигла его сестру, Кайю, во всяком случае, он был в этом уверен. Тем временем император вернулся на свой стул и вновь оседлал его, словно высокая спинка могла послужить щитом между ним и той, что считалась его женой. Сам Элер скрипнул зубами. Он иногда ловил себя на мысли, что мечтает о смерти несостоявшейся императрицы, которая в какой-то момент уже ощущала империю в своих руках.

– Итак... Я вас слушаю, – нарушил молчание, прерывание кашлем Манисар, Маэль.

– Я не знаю, кто союзник моего отца, – выдавила та из себя, но, увидев, что император собирается встать и уйти, оставив ее здесь, в этой жалкой камере, без слуг и воздуха, тут же

поспешила добавить: – Но я знаю, куда он мог отправиться из Ариса.

– Если вы про ваш замок, не утруждайтесь, о нем мы прекрасно знаем и эти сведения ничего не стоят, – император усмехнулся.

– Нет, – замотала головой Манисар. – Он недавно отн... купил еще один замок у одного аристократа без титула. Это небольшая крепость на одном из перевалов хребта Хортат.

– Что же... – Маэль поднялся и направился к двери. – Надеюсь, ваши сведения нам поможет.

– А я? Что будет со мной?

Увидев, что Маэль вот-вот уйдет, Манисар ринулась к нему, и прежде чем Элер успел среагировать, вцепилась ему в руку. Император брезгливо скривился, потянув ее на себя, стараясь отнять.

– Отпустите, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Немедленно.

– Что будет со мной? – не обращая внимания на его реакцию, причитала она. – Я не могу так больше. Тут нет света.

– А что вы хотели? – издевательски улыбнулся Маэль, глядя на нее через плечо. – Вы думали, что я воспылаю к вам любовью, как только недостойный жрец проведет обряд? Так не бывает. Вы получаете то, что заслужили. Но за информацию о замке Дарьенала Восты я позволю вам жить. Пока жить. Свою участь вы узнаете в скором времени.

Маэль стряхнул ее руку со своей и вышел в коридор,

не обращая внимания на звучащие из-за двери рыдания. Императора не тревожили страдания этой женщины, ведь она сама выбрала свою участь. Маэль не понимал, на что она рассчитывала, когда ее отец обманом заставил почившего императора женить сына на дочери своего главного советника? Ей следовало предполагать, что все закончится заточением, ведь Маэль не изменится, а она не принцесса могущественного королевства, чья сила необходима империи, чтобы он опасался выбросить ее, как тряпичную куклу. Маэль шел по коридору, связывавшему темницу с дворцовым комплексом, и с мрачной решимостью думал о том, что обязательно отправится за Кайей. Как только решит проблему захватчиков.

*Третий месяц весны вивар. Тридцать седьмой день
месяца.*

144 год от рождения империи

Лимринг заложил длинный, пологий вираж, оглядывая из-под облаков раскинувшийся перед ним город. Черные закопченные дома не вызывали у посланника никаких эмоций, он не мог оценить масштабы происходящего. Оставляла его равнодушной и мертвая тишина, что царила внизу. Не только тишина, но и практически полное отсутствие людей, там.

Он заметил лишь несколько групп бескрылых, что бродили среди домов, не обращая на него внимания. Мало ли какие крылатые создания рисуют узоры на лазурной синеве неба. Но самое главное, что он сам не чувствовал присутствия того, к кому был отправлен. Птица-посланник протяжно, противно закричала, словно рассказывая этому жестокому миру о том, что не может исполнить возложенную на нее миссию. Одна из групп бескрылых остановилась, подняв лица к небу, ища взглядами того, кто кричал в вышине. Лимринг подавился криком и снова заложил вираж над черным от копоти городом. Огромная птица расчерчивала небо своими размашистыми крыльями, скользя на воздушных потоках. Вокруг него неслись, рассекая прозрачный воздух, скайлеры. Они буквально танцевали, обволакивая птицу-посланника всплесками потревоженных их крыльями ветров. Быстрые белые птицы не могли поспорить в скорости с лимрингом, но они наслаждались теплом и легким ветром, обдувавшим их перья.

Лимринг заложил еще один крутой вираж, окидывая взглядом город и окрестности, прислушиваясь к мыслям бескрылых. Он искал. Искал того человека, образ которого впечатался его разум усилиями эльфийского мага, отправившего его в полет. Ответом ему была абсолютная ментальная тишина. Бескрылого не было. Тот словно растворился в бескрайних небесных просторах, не оставив после себя ни единого отголоска. Птица не могла рассмотреть и запомнить

всего, что происходило в городе, но она точно видела образы копошившихся внизу людей. Того, к кому лимринг нес послание в городе попросту не было, да и был ли он вообще на просторах Пандагирэя? Впрочем, посланника это не тревожило, он исполнил свой долг. Птица вновь огласила небеса своим противным воплем, словно выражая тем самым свою досаду, и развернувшись, понеслась обратно к своему отправителю, оставляя за спиной чернеющий на солнце город.

*Четвертый месяц весны стакар. Первый день
месяца.*

144 год от рождения империи

Маэль читал донесения из городов своей империи, как страшный миф из далекого прошлого, и мрачнел с каждым мгновением. Его лицо накрывала тень. Он то и дело обводил взглядом зал, где заседал Имперский совет, пугая советников потемневшими, ставшими почти черными глазами. Император молчал. И это молчание наполняло зал ледяным ужасом, который проникал под кожу каждого советника и приглашенных лиц, словно старался полностью захватить все их существо, выведать самые скрываемые, темные тайны. Маэль молча передавал листы, исписанные аккуратными, убористыми почерками писцов правителей городов,

ответивших короне, Лоэналю, и тут же приступал к чтению следующего доклада. В абсолютной тишине. Так и не проронив ни слова. Не смели ее нарушать и присутствовавшие здесь.

Глава Имперского совета империи Мирэй, наследник знатнейшего эльфийского рода Лоэналь Аминирах Вират столь же молча, и не отрывая взгляда от букв, которыми были испещрены листы бумаги, принимал у внука подробные доклады и быстро пробегал их глазами, не надеясь увидеть там ничего нового. Большие изменения он видел сейчас в Маэле. Надев на голову корону императора: его внук изменился. Его взгляд стал холодным, словно ледники на вершинах самых высоких пиков в гряде Хортат. Он заставлял табуны мурашек пробежать по спине и холодеть душу. Иногда казалось, что император готов убить любого, кто скажет хоть слово против его воли. Лоэналь, конечно, гордился внуком, который стал таким сильным духом правителем империи, но в то же время его это пугало. Что-то сломалось в Маэле, и никто не мог предсказать последствия этого надлома. Сломалось в тот момент, когда наследник престола переступил через порог главного храма, и все только ухудшалось и дальше, когда он уехал из столицы в Самату. Лоэналь знал, что может спасти Маэля, но сейчас это было недоступно. Им придется справляться самим, пока не удастся добраться до лекарства.

– Итак, – голос Маэля, бивший по натянутым нервам,

выдернул Лоэналя из раздумий и заставил собравшихся вздрогнуть. – Мы потеряли почти весь восток, исключая бывшие земли клана Сал. Мы потеряли почти все побережье. Побережье, вы понимаете?

– Если верить разведке и разосланным лимрингам, что вернулись назад, за нами остаются еще Аркус и Лайя из портовых городов, – спокойным тоном пояснил Лоэналь. – Под вопросом преданность и свобода Ирида, поскольку герцог Скирилэй находится в немощном состоянии. А герцогиня Анисса не посчитала нужным ответить, вернув послание с пустым листком, к которому была приложена герцогская печать.

– Могу я пояснить, главный советник? – вклинился в разговор Элер, до этого молча сидевший рядом с императором.

– Конечно, командующий, – милостиво позволил Лоэналь. – Говорите.

– Герцогство Скирилэй пока можете считать захваченным противником, главный советник. Мой отец сейчас лежит в бессознательном состоянии, и никто не знает, когда он придет в себя. И власть в герцогстве, согласно законам империи, находится в руках Аниссы анэ Къель да Скалэй, моей мату... мачехи. Эта женщина ни перед чем не остановится, чтобы отдать мое наследство в руки своего сына, моего младшего брата Рихина, потому я предлагаю считать Скирилэй полностью в руках захватчиков. Она не поддержит императора, зная, что его величество не пойдет против законов

империи и чести. Если она даже отравить отца не погнушалась, а я уверен, что она его отравила, по-другому никак.

– Думаю это разумно, – кивнул Маэль. – Лучше не рассчитывать на них изначально. Тогда, если все окажется иначе, это будет приятный сюрприз для нас. Что еще?

– У нас есть двадцать лохосов, ваше величество, – на мгновение Линарт задумался. – Нет, точнее девятнадцать. Один, пехотный, погиб в Самате. Кроме того, у нас точно есть шесть конных лохосов, из этих девятнадцати. Во всяком случае, мы в любой момент можем объявить о создании восьми лохосов, дабы восстановить численность нашей армии.

– Итого, в распоряжении сторонников Восты шесть пехотных и два конных лохоса. Ужасное положение для нас, – кулак Маэля грохнул по столу.

Советники вздрогнули от этого резкого звука, который заметался в стенах и обрушился на них, раскалываясь на мириады осколков, и каждый буквально жалил их разум.

– Мы потеряли: Маазер, Онис, Намий, Самату и Рубор, – безжалостно подвел итог Лоэналь. – Бывшие земли клана Сал, которым, кстати, давно пора дать иное имя, захвачены наполовину, а значит, у нас есть часть их ресурсов. Верность Ирида под вопросом, и по просьбе командующего гвардией мы считаем эти земли захваченными. Положение печальное, даже катастрофическое, я бы сказал, господа. И у нас нет решения этой проблемы.

– Пока нет, глава Совета, – уточнил Линарт. – Пока нет.

– Нам необходимо его найти. Всенепременно, – упрямо заявил Маэль. Он обвел взглядом всех присутствующих в зале заседаний, на мгновение задерживаясь на каждом из них, дожидаясь, когда тот невольно распрямлял спину, и смотрел на следующего. – У нас неприятная ситуация: мы потеряли половину империи, на руках у нас висит Воста и нелояльные нам лохосы, среди аристократии есть предатели. В нашем распоряжении два порта, лишь один из которых оборудован гаванью, которую легко оборонять. Наши основные силы в Лайе, где нет такой гавани, к тому же она находится недалеко от Ирида. Во всяком случае Скирилэй со своей столицей лежат на сухопутном пути в Лайю. Нам следует решить этот вопрос.

– Направить туда армию, ваше величество? Пусть захватит Ирид и притащит к вашим ногам эту Аниссу. Она мне никогда не нравилась, – предложил Великий казначей Тетмар ат Вастерий.

– Я бы хотел избежать открытой гражданской войны, – покачал головой император. – К чему это приводит – посмотрите на Элеан. Да и простые подданные не виноваты, что сильным мира сего не терпится вцепиться в глотку друг другу.

– Тогда что нам делать? – Линарт откинулся на спинку своего стула и внимательно посмотрел на Маэля. Тот нахмурился. – Ситуация почти безвыходная.

– Следует найти обходной путь, минуя Ирид. Мы должны его найти, чтобы использовать ее для переброски армий и провизии. Дайте карту империи, – велел император.

Большая, созданная магией, подробная карта Мирэй в мгновение ока легла на стол перед советниками. По ней струились реки, змеились дороги, шелестели листвой и хвоей леса, пронзали своими пиками небо горные цепи. Пальцы Лоэналя светились голубоватым магическим светом. Маэль внимательно посмотрел на Ирид, возвышавшийся над поверхностью стола. Город был воссоздан в мельчайших подробностях, и широкую дорогу, соединявшую его с Арисом, по которой в столицу везли продовольствие. Но его взгляд не задержался на ней, он скользил по карте, ища обходные пути, давно забытые, которые никто не знал и даже не подозревал об их существовании. Через некоторое время его взгляд наткнулся на неприметную военную дорогу, которая бежала вдоль побережья и в пяти десятках лиг западнее Саматы сворачивала к Арису. Ранее, еще во времена Вариара ее использовали для переброски небольших отрядов и строительства основных дорог, Маэль не удивился бы, если бы узнал, что эту дорогу построили воины, а не обычные каменщики. Это был их шанс.

– Вот, – Маэль указал на обнаруженный им старый военный путь.

– Эта дорога опасна, ваше величество, – отозвался Лоэналь. – Побережье обрывистое, дорога осыпается, в некото-

рых местах она довольно узка. Она уже давно не ремонтируется и не используется.

– У нас нет выбора, глава Совета. Придется рисковать, пока мы точно не узнаем, что творится в герцогстве Скирилэй. Только тогда мы сможем использовать основные дороги.

– Это и пугает. Но пусть будет так. Пользуемся старой временной военной дорогой. На свой страх и риск. Какие еще будут предложения?

Советники молчали, понимая, то иного решения у них нет.

– Ладно, с дорогой решили. Пользуемся старой военной дорогой, заодно приглядываем за морем. Теперь необходимо перебросить в столицу два лохоса, чтобы мы смогли отсюда действовать. Это для начала, потом увеличим численность войск в два раза, – предложил собравшимся Линарт.

– Этот вопрос я считаю решенным. Что еще? – Лоэналь посмотрел на Маэля.

– Нужно все же что-то решить с Иридом, – задумчиво потирая виски, ответил император. – А то такая опасность в тылу может сыграть плохую шутку.

– У меня есть предложение, – снова вступил в разговор Тетмар. – Отправьте в главный замок ан Къелей ту девочку из рода ат Елар, что служит всадницей драконов. Ох! Уловы демоны, и ко мне привязалось это детское прозвище гвардейцев императрицы. Она капитан императорской гвардии, – не обращая внимания на смешки участников совета,

продолжил Великий казначей. – К тому же, не думаю, что герцогиня решится ссориться с главой Тайной службы империи. Пусть он сейчас и не в самой силе. Если она, конечно, не полная дура. Отправим с капитаном две илы гвардии. Думаю, ей удастся доставить Аниссу анэ Къель да Скалэй сюда для допроса и заверения ее преданности империи. Ну или казни, тут уж как его величество решит.

– А если ей это не удастся? – прищурился Элер. – Мы потеряем и Даминитри и две гвардейские илы. Это неприемлемо. Тем более в такой ситуации, которая сложилась сейчас. Я считаю, что это опрометчиво, ваше величество.

– Что тогда вы предлагаете, командующий? – криво усмехнулся Тетмар.

– Пока отправить лимринга, но не к Аниссе, а к преданному нам человеку в Ириде.

– И кто же этот человек? Позвольте узнать.

– Да, Элер, кто это? – заинтересовался словами командующего гвардией Линарт.

– Командир городской стражи Ирида, – ответил за него Эггар. – Он не исполняет приказов герцогини. Он предан империи и короне.

– Нас интересует, что творится в главном замке, – упрямо повторил Тетмар. – Уже почти год герцогством управляет эта стерва – Анисса. Как вы думаете, это могло пройти бесследно для столь большого и богатого герцогства. И мы потеряли шпионскую сеть по вине Восты.

Он произнес это и тут же резко осекся, бросив быстрый, встревоженный взгляд на Элера. Аниссу всегда считали стервозной идиоткой, помешанной на своем родном сыне, а еще она была патологически ревнива. Потому, отправляясь на переговоры или в гости к герцогу Этану, аристократы никогда не брали с собой красивых дочерей или служанок. Опасались за их жизнь и здоровье. Никто не мог и предположить, какую судьбу им уготовит Анисса анэ Къель да СкалэЙ, а то, что от нее можно было ожидать любой подлости, не подвергалось сомнению. Ходила молва о том, что герцогиня извела не одну любовницу своего супруга. Они пропадали сразу же после ночи с Этаном. Но доказать эти слухи никто не мог, мало ли куда пропадают рабыни и простолюдинки. Даже красивые. Дочерей аристократических семейств Анисса не пускала и на порог своего замка, потому им удавалось выжить, даже познав объятия Этана ан Къель да СкалэЯ где-нибудь за пределами его владений.

– Я прекрасно знаю, на что способна моя мачеха, Великий казначей, – отмахнулся Элер. – Не стоит мне про нее лиш- ний раз рассказывать. Я согласен с вами – это очень опасная змея, способная отравить своим ядом целый лохос. И именно поэтому я не хочу отправлять в Ирид гвардейцев. И уж тем более мину Даминитри. С другой стороны, сколько преданных воинов может быть у герцогини? Вряд ли больше пяти сотен. Доступа к сокровищнице СкирилэЯ она точно не получит, ведь мои предки не поскупились на магию, что-

бы запечатать двери. Теперь, чтобы открыть сокровищницу и получить доступ к нашей казне, требуется кровь и голос членов семьи, которые были представлены магическому духу-стражу главой семьи. Мой младший брат не был в их числе. Аниссе потребуется отец, я или Кайя. Но опять же. Мы не владеем тактической или стратегической информацией о положении вещей в Скирилэе, и отправлять мину Даминитри в неизвестность... и две илы гвардии? Вам не кажется это слишком безрассудным? У нас война, Великий казначей.

– Хорошо. Я понял вашу позицию. И согласен, что вам лучше знать все подводные камни в Скирилэе, – кивнул Тетмар. – Отправляем лимринга.

– Можем еще и разведчика отправить. Магического, – в голосе Лоэналя звучала усталая задумчивость. – Главное – подъехать на границу его призыва.

– Думаю, что это не будет лишним, – согласился Маэль. – На этом нам стоит прерваться и отправиться в храм. Народ нуждается в надежде, которую мы им дарим своим настроением и оружием. Пусть видят, что их император и его советники готовы умереть за них. Молящийся за нас, алтарь горит уже несколько дней, улучшилось ли настроение жителей столицы? Верят ли они в нашу победу?

– Несомненно, ваше величество. Свет Ура озаряет их своим теплом. Ул делает их дух твердым, как сталь, – на изможденном лице Верховного жреца империи появилась усталая, но светлая и теплая улыбка.

По глазам Эмтара было видно, что он давно уже не спал. Под ними залегли глубокие тени, а верхние веки отекали. А сам темно-серый взгляд поблек и смотрел в пустоту. Но голос его был тверд, обволакивая словно легкое, теплое облако, даря уверенность и покой.

– Хорошо, Молящийся за нас. На этом совет окончен, – произнес Маэль, поднимаясь на ноги. – Предлагаю всем отправиться со мной в храм и показать свое единство с мирэйдцами. Они нуждаются в нас, а мы в них.

С этими словами император покинул Зал советов. Никто не посмел возражать ему. Советники последовали за его величеством Маэлем на молитву перед алтарем Уру, который продолжал гореть, поддерживаемый заботливыми руками жрецов. А после этого советники собирались вознести молитву Уну, прося сил для освобождения империи от напавших на нее сонм врагов.

Глава вторая

*Четвертый месяц весны стакар. Первый день
месяца.*

144 год от рождения империи

Небо над Элеаном, уже две декады затянутое низкими, свинцовыми облаками, наконец, очистилось, порадовав жителей чистой и ясной лазурью, которой так давно ждали местные крестьяне, уставшие от постоянно моросившего дождя. Землепашцы устали месить раскисшую от влаги землю, и считали, что лучше бы вся эта вода разом выпала на поля. Родовались чистому небу и воины, которым тоже надоела эта грязь, давно ставшая для них обыденностью. Сначала растапливали снега, затем начались дожди.

Выстроившиеся на широкой поляне шатры ярко сверкали на солнце, словно разноцветные бусины, рассыпанные неумелым ювелиром. В их расположении не было никакого порядка, просто горсть блестящих камушков, что лежат на полу и ожидают, когда их соберут. Между ними сновали закованные в начищенную до зеркального блеска броню воины, одетые в простые темные одежды слуги, облаченные в роскошные шитые серебром, золотом и драгоценными камнями одеяния аристократы. Лагерь жил своей обычной жизнью, и, казалось, не обращал внимания на бледно-ро-

зовые крепостные стены осажденного замка, которые лизали солнечные лучи, ослепляя осаждающих. Командиры знали, что им следует лишить осажденных этого преимущества, сбить мраморную облицовку со стен, но пока это было для них невыполнимо. Именно потому воины делали вид, что крепость их не интересует. Лишь несколько одетых в темно-синие одеяния представителей Магического корпуса Элана что-то оживленно обсуждали, глядя на окутанный легкой магической дымкой замок, пытаясь понять, сколько жизни было вложено в этот щит, которым накрыли замок и его предместья. Военный лагерь не задумывался о таких вопросах, он жил своей обыденной жизнью, нисколько не смущаясь любопытных взглядов, бросаемых на них со стены.

Впрочем, и замок не утруждал себя страданиями. Казалось, что эта осада продлится вечно, и нисколько не мешает тем, кто находится внутри крепостных стен. Воины осажденных с усмешкой смотрели со стен, наблюдая за своими противниками. Казалось, что вот-вот и они спустятся со стен и пойдут к ним в гости, но это ощущение быстро проходило, особенно ночью, когда осаждавшие начинали магический обстрел. Щит и стены вибрировали и трещали, заставляя нервничать. Каждое попадание в магическую защиту сопровождалось яркой голубоватой вспышкой, от которой вздрагивали и щурили глаза воины, испуганно ржали, храпели и бились в своих стойлах лошади, рыдали дети, тихо всхлипывали женщины. Так было каждую ночь, но днем все

менялось. Наступала тишина, и обитатели замка старались поспать, пока солнце не скроется за границей земли и небес, и снова не начнется этот, ставший уже привычным, обстрел. Караульным же на стенах вместо сна оставалось лишь любоваться вражеским лагерем.

Его величество король Элеана Кириаль Второй, которого мало кто принимал всерьез из-за его патологического желания исполнить условия богини и родить тридцать пять сыновей, сидел в своем зелено-серебряном шатре, украшенном богатой вышивкой из аквамарин и топазов, и наслаждался прекрасным обильным обедом в компании своего старшего сына и наследника короны Скааля. Небольшой столик из дорогой древесины был заставлен богатыми и вкусными яствами, заботливо приготовленными королевской кухаркой, а рядом с Кириалем и его сыном стояли серебряные кувшины, богато украшенные узорами из янтаря и коралла, с Лунным вином, столь любимым эльфами. Король Элеана наслаждался этим прекрасным моментом, когда солнце затопило своим теплым золотым светом всю округу, и даже позволил себе скривиться, не удержав эмоцию за маской безмятежности, положенной правителю сильного королевства, заведя направившегося к нему Мариала Сдариль М'аарела, капитана своей гвардии.

Мариаль был мрачен, и это не добавляло Кириалю желания говорить с ним. Гвардеец отличался неукоснительным соблюдением дворцовых правил даже в мельчайших дета-

лях, а это значило лишь одно, и королю не оставалось иного, как предположить, что новости у капитана не слишком приятные, можно даже сказать, ужасные. Его высочество принц короны Скааль слегка прищурился от светившего в глаза солнца и коловших бликов на серебристых доспехах капитана королевской гвардии, сделанных искусным мастером из самого дорогого и прочного материала на свете – лурсора. Принц, в отличие от отца, не обращал внимания на мрачное выражение лица Мариалья, весь вид Скаалья говорил о том, что он смертельно устал от затянувшейся уже игры в войну, которую затеял король, и ему дико хочется в столицу. Наследник короны даже не пытался скрыть свои эмоции.

– Ваше величество, ваше высочество, – склонился перед в приветственном поклоне Мариаль.

– Судя по вашему виду, капитан, у вас недобрые вести. Выкладывайте их уже, чтобы мы могли запить их вином, – Кириаль усмехнулся, как раз делая глоток из своего кубка, вырезанного из крупного куска горного хрусталя.

Искусный мастер-камнерез смог вырезать прямо внутри камня замысловатый узор и заполнить его пылью ярко-синих и ярко-зеленых камней, а талантливый маг завершил его произведение: заключил в толщу камня красные рубиновые звезды. Солнечные лучи высекали яркие искры из самого кубка и из этих узоров, загораясь в больших звездах. Мариаль даже на мгновение залюбовался королевским кубком, отдавая дань уважения талантливому резчику по камню

и магу-ремесленнику.

– Она не недобрая, во всяком случае я бы так не сказал о ней, но тревожная, ваше величество, – Мариаль тряхнул головой, отгоняя от себя гипнотическое воздействие хрустала. – Я не могу связаться с капитаном Лииталем Камий В’астером. Меня это сильно тревожит, особенно, учитывая, кого он охраняет.

В зеленых глазах капитана королевской гвардии мелькнула тщательно скрываемая тревога, которой не было до этого. Казалось, что солнце тонет в его взгляде, зажигая в нем золотые искры, стараясь не позволить им потемнеть еще больше от сведавшего эльфа беспокойства.

– Вы испробовали все доступные нам способы, капитан? – Кириаль преувеличенно осторожно поставил кубок на стол и облокотился на подлокотники кресла.

– Лимринг прилетел ни с чем, магически я не смог до него дотянуться. Он попросту молчит и не принимает мои вызовы.

– Другими словами... – голос короля зазвучал вкрадчиво.

– Другими словами он не отвечает мне, ваше величество.

Ответом мне служит молчание.

– Может что-то случилось? – предположил Скааль, отодвигая от себя тарелку с традиционными персиковыми пирожными, которые столь любили все эльфы, и внимательно глядя на капитана. – Он же не может злостно уклоняться от приказов своего командира.

– Я тоже об этом подумал, ваше высочество, – Мариаль продолжал хмуриться. – Я бы хотел отправить поисковое заклятие на обнаружение хотя бы его следа, но я в не силен в этом виде магии. Мне понадобится помощь Корпуса. Ищейка по следу не пойдет.

– Давайте пока не будем пороть горячку, капитан, – таким же тихим, вкрадчивым тоном произнес Кириаль. – Возможно, ему не до докладов вам. В Мирэй сейчас хаос и неразбериха. Война, смерть императора, неизвестно, что их ждет дальше, возможно... я повторюсь, возможно им придется пройти тот же путь, что и нам. А именно задушить даже мысли о бунте среди аристократии. Зная, какая кровь течет в жилах Маэля, я точно уверен, что он справится. Возможно, капитан Камий В'астер беспокоится о безопасности дочери Селеры, и не желает, чтобы врагом был обнаружен магический канал.

– Я об этом тоже задумывался, ваше величество. Именно потому и подумал о том, чтобы запустить поисковое заклятие.

– Не стоит привлекать лишнее внимание к моей дочери, капитан, – Кириаль покачал головой. – Лучше отправить кого-нибудь в эту человеческую империю. Пусть выяснит все, будто бы невзначай.

– Разрешите мне, венценосный отец, – подал голос принц короны.

– Хочешь отбыть свое наказание весело, сын мой, в че-

ловеческой империи? – в голосе короля прозвучала откровенная ирония. Он лучше других знал, как старший сын относится к этим маложивущим существам, которые сторали словно лучина в ночи.

– Да, венценосный отец. Так мы и жрецов успокоим, что я отбыл страшнейшее наказание, прожил в империи людей какое-то время без защиты вашего герба, и я вернусь в Элеан быстрее, – не стал отрицать очевидное Скааль.

– Что ж... Будь по-твоему, сын. Возьмешь в сопровождение две сотни гвардейцев и сына Контирэй Магата. Он у людей Великим магом – — хоть какая-то помощь тебе будет в этой империи, недостойной такого названия. Что великого могут создать эти существа, чья жизнь лишь миг на лице Селерана? Отправляйся в путь завтра на рассвете.

– Слушаюсь, венценосный отец. Я всенепременно узнаю, что случилось с капитаном Камий В’астером и принцессой Инитэль, чьей судьбы коснулась длань Селеры. Дозвольте удалиться к себе и собраться в дальний путь, венценосный отец.

– Иди, сын. Можешь не появляться на ужин, лучше проверь лишний раз, что именно ты берешь с собой. Вернуться назад с дороги ты не сможешь.

Принц поднялся, поклонился отцу и направился к себе в шатер, который располагался рядом с отцовским, едва не касаясь его своими стенами. В отличие от королевского, шатер принца украшала еще и бронза, но при этом отсут-

ствовала вышивка камнем, ее заменяли бронзовые аппликации атакующего дракона. Мариаль поклонился Скаалу, проводил принца взглядом, дождавшись, когда за тем опустится полог шатра, а затем перевел взгляд на Кириалья. Тот в ответ на невысказанный вопрос гвардейца только пожал плечами. Он не хотел отпускать Скааля в Мирэй в столь сложное для Элеана время. Гражданская война в королевстве эльфов бушевала уже почти год. Затихнув лишь на зимний период, когда все участники расползлись по своим владениям, чтобы зализать раны, пополнить армии и запастись провизией. Да и время для битв было неподходящим, холода и снега не позволяли насладиться войной. С наступлением весны пожар вспыхнул с новой силой и пронесся по Элеану словно огонь по верхушкам деревьев, подгоняемый сильным ветром. В то время как Аминирах Вират гонял по королевству армию бунтовщиков, Кириаль застрял под стенами замка Гимер Вистаров, из рода которых и происходила ныне низложенная королева Сантэль, и похоже, что это стояние под стенами их родовой крепости продлится очень долго. Короля сложившееся положение дел совершенно не радовало. Его невероятно злило то, что приходится сидеть в чистом поле без каких-либо удобств, которые дарил ему дворец в Эстрии, хотя теперь это было не столь великолепное сооружение. Пожар сильно прошелся по залам и коридорам, и хотя зодчие трудились не покладая рук, а порой и без сна, им пока еще не удалось восстановить былое величие королев-

ского дворца. Но больше всего короля огорчало отсутствие женской ласки. Лагерные шлюхи, по большей части полуэльфийки и человеческие женщины, не могли полностью удовлетворить желания короля.

Кириаль тряхнул головой и с ненавистью посмотрел на бледно-розовые стены замка, принадлежащего родне его низложенной королевы. Он устал от сидевших на соседнем троне женщин, и уже был уверен, что ему не стоило после гибели первой королевы сочетаться брачными узами с Сантэль. Теперь жрецы пришли к нему с требованием вновь найти себе супругу, и Кириаля это нисколько не радовало. Ведь искать предстояло блеклую дочь знатного семейства, которая будет считать, что он обязан сдуть с нее пылинки и любить только лишь за ее благородное имя.

– Что-то еще, капитан? – вынырнув из задумчивости, поинтересовался у своего гвардейца Кириаль.

– Нет, ваше величество. Пока никаких других новостей нет. Ни хороших, ни плохих, – отозвался Мариаль.

– Хорошо. Отсутствие новостей тоже новость. Причем неплохая новость, – король улыбнулся, а затем посмотрел на замершего за его спиной раба. – Принеси мне намт.

Раб тут же исчез, растворившись в воздухе. Кириаль вновь посмотрел на крепостную стену и пообещал себе, что возьмет его в течение недели. Ему надоело сидеть под неприветливыми стенами, он хотел закончить эту войну и отправиться в Мирэй. Кириаль верил в разумность своего сына, но по-

нимал и то, что ему самому следует помочь своему правнуку, новому императору Мирэй. И также самому следует найти избранную богиней, познакомиться с ней. Возможно, боги нашли супругу его сыну, которая, будучи дочерью Селеры вернет величие Элеану. Но сначала... Сначала ему предстояло взять этот замок и прекратить эту войну, которая надоела ему до зубовного скрежета. «Я не пожалею своей жизни, чтобы разрушить эти стены. Пусть это и обойдется мне в десяток лет», – подумал Кириаль, залпом осушая чашку с терпким, ароматным намтом.

*Четвертый месяц весны стакар. Восьмой день
месяца.*

144 год от рождения империи

Шум, доносившийся с первого этажа постоянного двора, давно стал привычным и монотонным. Казалось, что исчезли он, замолчи трактирные гуляки из деревеньки, что оседлала холм в двух лигах от тракта и от постоянного двора, и тишина станет оглушительной, заставит просыпаться ночами, пугая и настораживая. Пока шли дожди, веселье не прекращалось ни на мгновение, завершаясь к утру выносом пьяных посетителей и появлением в тот же момент новых. Но не все радовались весне и солнцу.

Обшарпанные, потемневшие от времени и влаги стены давили на мужчину, словно каменная кладка тюремного подвала, которого ему чудом удалось избежать. Убогая обстановка комнаты заставляла его вздрагивать всякий раз, как взгляд падал на очередной предмет колченогой, криво сколоченной мебели из сучковатых досок, заполнявший комнату. Кровать, стол, два сундука для вещей, три табуретки – вот и вся обстановка, которой радовала посетителей лучшая комната этого забытого богами постоялого двора. Их не отполировало даже время и многочисленные зады клиентов. Выцветшие занавески неаккуратными, грязными тряпками свисали с карниза, едва прикрывая столь же грязные окна, которые, казалось, с самой постройки этого дома никто и не думал мыть. Толстые слои пыли и даже грязи, из которых дождевые капли создавали сложнейшие узоры, выросли здесь явно не за один год. От постельного белья, или того, что им называлось, воняло сыростью, да и само оно было волглым, и явно не собиралось сохнуть, отчего Дарьенал Воста вздрагивал каждый раз, когда только думал о том, чтобы лечь в эту убогую постель. Накануне он проворочался половину ночи, потому что мокрые простыни неприятно липли к телу, даже после того, как он остался полностью одетым.

Дарьенал вынужден был признать, что ошибся, хотя и не желал этого делать. Иногда в его голову закрадывалась мысль о том, что Марияла была права, и он попытался прожевать кусок больше, чем мог откусить. Дарьенал не хотел

признаваться в том, что совершил роковую ошибку даже самому себе, но реальность безжалостно била его по щекам, пытаясь привести в чувство. Он уже в который раз пожалел, что вступил в открытый бой с императорскими детьми и самой императрицей.

Бывший глава Имперского совета империи Мирэй Дарьенал Воста брезгливо скривился. Он с ненавистью посмотрел в тарелку, стоящую перед ним. Погрузил в мутную жижу потемневшую от времени и плохого обращения ложку. Он даже боялся подумать о том, сколько же рук касалось этой деревянной поверхности, сколько ртов и языков она повидала. Дарьенала буквально передернуло от этих мыслей. Он вновь посмотрел в тарелку. Пустой сырнй суп отдавал сладостью, что было неправильно, но выбирать Восте не приходилось. Он едва успел убежать из столицы, прежде чем ловушка захлопнулась, и вражеская армия подошла к самым стенам Ариса. Он не представлял, кто те черные враги, что напали на Мирэй, но он точно знал, что не желает попадать к ним в лапы. Ведь они не были его союзниками, а значит, вряд ли пощадят потомка рыбака и торговца рыбой, который пробился до таких высот власти. Ему было совершенно наплевать на то, что будет делать император в той опасной ситуации, в которой он его оставил. Он и не удивился тому, что Маглор выбрал самый простой способ для решения всех своих бед, реальных и мнимых – яд. Когда-то хороший и удачливый воин, легко побеждавший своих врагов,

император растерял любую волю к победе, и он, Дарьенал Воста, приложил к этому свою руку, оплетая императора паутиной страхов и лжи. Но бывший глава Совета не сожалел об этом. Его волновала собственная власть, благосостояние и слава его семьи, даже вопреки ее воле. А для этого он готов был перемолоть всю империю, не говоря уж об императорском семействе. Он понимал, что готов был пожертвовать и Мариейлой, если бы это решило все его проблемы и вернуло бы ему то, что он почти потерял в пожаре этой войны. Единственное, о чем он жалел – это проигранная битва за императорскую корону, которую он хотел получить через свою дочь. Но наследный принц переиграл его, и эта идиотка даже не стала его супругой по-настоящему. И Дарьенал, совершивший столько ошибок и напавший на врага, который был в тот момент сильнее, почти не удивился настигшей его жестокой вести. Маэль коронован императором Мирэй, и приговорил его, Дарьенала Восту к смерти. А это значит, что стоит кому-то из мирэйцев напасть на его след, он будет вправе убить бывшего главу Совета. Кроме того, его дочь отправлена в темницу, и никто не мог знать, что с ней будет дальше. Но самой страшной была весть о том, что подосланная к сыну полуэльфийка, ставшая звездой его незаконного гарема, перерезала тому горло. Дарьенал со злостью ударил по столешнице. Стол жалобно застонал, покачнулся.

– Могу я сказать, лэй? – откуда-то из темного угла комнаты раздался низкий мужской голос, заставив бывшего главу

Совета вздрогнуть всем телом.

– Говори, – было непонятно, то ли Дарьенал процедил это дозволение сквозь зубы, то ли выплюнул его с презрением в тарелку отвратительного супа. Глава шпионской сети Восты поморщился.

– Погони за нами нет. Императору пока не до нашей поимки, мои шпионы сообщают о том, что он потерял весь восток империи и будет теперь занят его возвращением. Нам следует найти место, где можно укрыться. Хотя бы на время. Не стоит привлекать к себе внимание, чтобы не быть пойманными.

– Мы не можем поехать в мои замки. Этот гаденыш, что зовет себя императором, наверняка обложит их со всех сторон, – в голосе Дарьенала появилась задумчивость. – О тех, про которые он не знает, ему станет известно в ближайшее время.

– Мы могли бы занять один из неприступных замков. На вашей стороне все еще восемь лохосов. Я не думаю, что император начнет войну с вами прямо сейчас. Она принесет много бед империи, гораздо больше, чем выгоды. Ему сейчас другую войну пережить бы, а не ввязываться в новую, в которой ему не победить.

– В этом ты прав... прав... – бывший глава Имперского совета отложил ложку и принялся задумчиво мять губу, стараясь разобраться в навалившихся на него неприятностях. – Надо решить, куда нам податься, чтобы не сразу столкнуть-

ся с лохосами маленького гаденыша. А когда сами решим, и выберем момент – надо разослать лимрингов, чтобы верные нам лохосы отправлялись туда незамедлительно.

– Пока нам следует держаться как можно дальше от Лайи и столицы, лэй. В Аркус мы и без того не пойдем, – сообщил шпион.

– До Аркуса далеко, да и городишко всегда был предан короне и Маэлю лично. Возможно нам стоит скрыться в большом городе, только гербы мои попрятать. Иначе нас сдадут городской страже.

– А что этот трактирщик?

– О нем мы подумаем позже, – губы Дарьенала скривились в недоброй усмешке.

– Может, свернуть ему шею и устроить здесь центр наших сил, – предложил шпион.

– Слишком близко к столице. Слишком близко, – пробормотал Дарьенал, вновь начав мять нижнюю губу. – А свернуть шею... мне эта идея нравится.

Дарьенал недобро усмехнулся, в который раз заглянув в тарелку с мутной жижей, которую здешний владелец называл сырным супом. Шпион почтительно молчал, замерев в темном углу комнаты. Когда хозяин впадал в такое задумчивое состояние, никому не дозволялось прерывать его, нарушая его задумчивость. Шпион не знал, что ожидать от бывшего главы Имперского совета. Мужчина все еще ждал, что хозяин прикажет выволить из лап императора его

любимую дочь – Манисар, которую он всенепременно попытается посадить на трон по праву жены императора. Для Дарьенала Восты не имело значения то, что император Маэль уже лишил навязанную ему супругу титула и прав, и признал их брак недействительным. Каковым тот и был по сути, учитывая, что не был свершен в физическом смысле. Дарьенала это не волновало.

– Думаю, что этот колченогий домик нам не подходит. Лучше всего спрятаться в Гредире, пока мы перебрасываем наши лохосы. Необходимо только убрать гербы и найти другие одеяния. Гредир, конечно, шумный торговый город, но стража вполне может узнать меня. Никто не знает, где стражники служили или бывали ранее.

– Вы правы, лэй. Я распоряжусь.

– Хотя погоди. Ирид. Ирид – наше спасение. Эта стерва Анисса... Если она не побоялась отравить своего супруга, не побоится и императора.

– Да, мой господин.

– Ступай.

Дарьенал не обернулся, даже услышав звук закрывшейся двери. Бывший глава Совета империи Мирэй брезгливо скривился и взял двумя пальцами ложку, поболтал ее перед своим носом, словно ожидая того, что она изменится, и поболтал ею в этом так называемом сырном супе. Он подавил рвотный позыв, стараясь удержать вставший поперек горла ком. Наконец, Воста не выдержал, вскочил на ноги и заме-

тался по комнате, словно за ним гонялись все демоны подземного мира.

Он чувствовал себя загнанным в угол зверем, который отчаянно ищет выход из смертельной ловушки, норовя обойти обложивших его со всех сторон, улюлюкающих охотников, готовых убить его в любой момент. Ему не нравилось такое ощущение, и он старался избавиться от него всеми возможными способами, приложить любые силы. «Я еще перегрызу тебе глотку, гаденыш. Ты ответишь мне за все», – мысленно прошипел Дарьенал, обращаясь к новому императору Мир-эй.

*Четвертый месяц весны стакар. Восьмой день
месяца.*

144 год от рождения империи

– Ай! – Лоэналь буквально взвыл от боли, пронзившей ухо, и подался вперед. – Театлин, прекрати! Сколько можно?!

– Не прекращу! – упрямо заявила та, продолжая тянуть эльфа за острое ухо.

– Я уже даже не Великий зодчий, сестра, я глава Имперского совета! А ты таскаешь меня за уши! Это неуважение ко мне! – попробовал тот последний аргумент, понимая, что

это мало поможет.

– Ты думаешь, меня это тревожит, брат? – проникновенным шепотом отозвалась Театлин наклонившись к Лоэналю, которого тянула за ухо через стол.

Эльф втянул со свистом воздух, пытаясь как-то поаккуратнее вывернуться из ее рук. Он любил свою сестру так, что мало кто мог занять ее место в его сердце, а Театлин без зазрения совести этим пользовалась, позволяя себе безумные выходки, ная, что брат никаким образом не накажет ее за это. Более того, она прекрасно помнила, как он брал на себя вину всякий раз, когда их отец грозился наказать девочку за какой-либо проступок. Он не сможет причинить ей боль. Это знала Театлин, это знал и Лоэналь, пытавшийся найти выход из неприятного положения. Пикантности ему добавляло и наличие зрителя. На пороге комнаты, служившей главе Имперского совета кабинетом, замерла пытавшаяся сдерживать смех Иннэйта анэ Эгат Матарэль, наблюдая за столь эмоциональным разговором брата и сестры. Девушка прижимала ладонь к губам, ее плечи тряслись, но пока ей удавалось сохранить приличия и достоинство Лоэналя. Она не вмешивалась в эту странную беседу, но ей было безумно интересно, зачем Театлин анэ Вират Мирэсель прибыла к ним в дом? Это мог быть визит, суливший неприятности, а могло и поднять настроение Лоэналю, который уже который день мрачной тучей сидел в своем кабинете, если не находился во дворце. Иннэйту это беспокоило куда больше, чем

война, идущая где-то на востоке.

– Театлин, – взмолился Лоэналь, пытаясь освободить многотрадальное ухо.

– Ты хочешь, чтобы я тебя отпустила, но при этом и не думаешь меня выслушать, – безжалостно продолжала та, не отпуская уже изрядно покрасневшее ухо брата. – Так себе перспектива.

– Как я могу тебе ответить, если ты даже не соизволила задать мне вопрос?! – возмутился глава Совета. – Залетела, схватила за ухо, что-то требуешь, в чем-то обвиняешь, что я еще и не сделал даже. Сначала скажи, что ты хочешь от меня!

– Что ж... Возможно, ты и прав. Так и быть.

Ее пальцы, наконец, разжались, освобождая многотрадальное ухо Лоэналя. Тот тут же приложил к нему ладонь, едва заметно потирая пострадавший острый кончик. Иннэйта позволила себе откровенно улыбнуться, разглядывая прекрасную герцогиню Ансаритэй, одетую в платье модного сейчас в столице фасона: с длинными широкими рукавами, расшитыми по краю золотой и серебряной нитью, треугольным декольте, открывавшим лиф нижнего платья контрастного цвета, с обтягивающими, словно вторая кожа, рукавами, украшенными таким же узором, добавлением к которому служили лишь небольшие капельки изумрудов и сапфиров. Стежки, сделанные искусной вышивальщицей, складывались в легко узнаваемый узор из гербовых солнечных барсов. Такой же узор бежал и по подолу платья из лазурного

шелка высочайшего качества, а в глазах у барсов там сияли уже топазы. Театлин подчеркивала свою принадлежность к роду ан Вират всеми возможными способами. В глазах эльфийского общества это был вызов, но никто не рискнул бы поссориться с Аминирах Виратами ради недостойной полуэльфийки.

Лоэналь бросил на сестру обиженный взгляд, продолжая демонстративно потирать кончик пострадавшего от ее хватки уха, затем махнул рукой, приглашая ее присесть в стоящее перед столом удобное кресло, заваленное подушками. Он небрежным взмахом руки остановил раба, кинувшегося было собирать разлетевшиеся по полу бумаги, а следующим жестом велел тому скрыться. Мальчишка низко поклонился хозяину и вышел прочь, закрыв за собой дверь, едва не задев стоящую на пороге Иннэйту.

– Ну что, сестра, надеюсь, теперь ты расскажешь мне, за что пострадали мои уши? – голос Лоэналя звучал по-мальчишески недовольно.

Театлин улыбнулась, вспоминая, что именно таким тоном говорил брат в замке их отца, когда сильно обижался на нее, свою маленькую сестру, которой тогда и десяти лет не было. А обижаться ему приходилось часто, ведь девочка ни во что не ставила этого высокого, красивого юношу, который пытался управлять маленьким ураганом. Полуэльфийка знала, что в душе Лоэналь молился богам, чтобы она поскорее повзрослела и уже перестала использовать его, как большую иг-

рушку, не способную отказать ей в капризах.

– Вы решили судьбу Эмрии? – милостиво озвучила свой вопрос Театлин, в упор глядя на брата.

– А мы должны были как-то решить ее судьбу? Каким образом?

– Не строй из себя идиота, Лоэналь! Тебе это не идет! – голос полуэльфийки больно хлестнул по нервам. – Ты понимаешь, о чем я.

– Прости, дорогая сестра, но сейчас не слишком подходящее время для решения таких незначительных вопросов, как судьба нашей внучки. К тому же, – тут же добавил он, поднимая руку, заметив, что глаза Театлин потемнели, словно небо перед бурей, которая вот-вот обрушится на смелый корабль, вышедший в неспокойное море. – К тому же сейчас она в безопасной части империи, в форте Мларис, под защитой императорской гвардии, и как ты думаешь сильно ли докучают ей подчиненные Элера ан Кьяля? То-то же. Она находится в безопасности, далеко на севере империи, и ей ничего не угрожает. Ты же предлагаешь мне тащить ее через всю охваченную войной империю, лишь бы подтвердить ее статус императрицы-матери. Как думаешь, хочет ли она утвердить свою власть ценой своей жизни? Я не узнаю тебя, Театлин. С каких пор эти мелочи стали столь важны тебе? Тебя никогда не тревожило мнение общества, и вдруг...

– Меня не тревожит ее статус и титул, это можно решить простым объявлением императорского указа, меня тревожит

совершенно другое, брат, – Театлин зловеще замолчала, подавшись вперед.

– И что же, дорогая сестра? Позволь твоему нерадивому брату узнать об этом.

– Скажи мне, Лоэналь, вы уже нашли Восту? Или старый ядовитый змей ползает по Мирэй, а вы ни сном, ни духом о том, где он? Как же так, Лоэналь?!

Эльф поморщился. Театлин удалось ударить его в болезненное место. Она умела бить наотмашь, без жалости, без сожаления, словно наслаждаясь каждым нанесенным ударом, пусть они и были моральными. Играть на нервах и бить в незащищенные места Театлин умела и пользовалась этим без зазрения совести. Лоэналь знал об этом, но всякий раз не был готов к таким ударам и попадался под них. На помощь ему пришла Иннэйта. Серебристой тенью она пронеслась через рабочую комнату эльфа и встала за его спиной. Ее тонкие белые пальцы легли ему на плечо, придавая сил и уверенности. Она даже надавила на него, не позволив подняться. И Лоэналь взял себя в руки, и твердо взглянул в глаза сестре.

– Послушай меня, моя дорогая сестра, прежде, чем ты сделаешь большую ошибку, обвинив меня во всех грехах этого мира. Нам неизвестно, где прячется этот старый змей. Ему удалось скрыться в хаосе войны еще до того, как мы с Маэлем оказались в столице. И мы не можем его искать в сложившейся ситуации, – Лоэналь поднял руку, заметив, что Театлин собирается ему ответить. – Наши ресурсы ограниче-

ны, а руки связаны тем, что натворил в стране Востоа. Как ты знаешь, глава Тайной службы империи сейчас в Лайе, и связь с ним возможна только через лимрингов и гонцов. Да, и он сейчас не столь всемогущ, как был ранее. Его сеть порвана и поредела, но даже ее остатки мы не можем использовать в полной мере, гонцам придется огибать Ирид, чей статус нам сейчас непонятен.

– Я все это понимаю, брат. Великого шпиона нет в столице, и вы ни на что без него не способны, – Театлин издевательски хмыкнула.

– Что ты хочешь от меня, Театлин?! – взревел, теряя терпение, Лоэналь, скинул руку Иннейты и, подавшись вперед, испепелял сестру взглядом.

– Привези Эмрию в столицу.

– Вот знаешь, что меня поражает в тебе, сестра?

– Что?

– Вроде умная женщина, но порой говоришь несусветные глупости.

– И что глупого в моих словах? – тут же ощетинилась колючками полуэльфийка.

– Все! Каждое слово, сказанное тобой сейчас – глупость. Мы это уже обсудили! И ты согласилась, что это не имеет смысла сейчас, и даже опасно! Страна охвачена войной, мы точно не знаем, где вражеские войска, и каковы их планы, мы пытаемся определить сколько наших земель сейчас потеряно, где находятся востовские лохосы. Но сначала нам

предстоит наладить разведку, уничтоженную Востой, разузнать все о передвижении армий напавших и их отдельных отрядов, понять, куда пойдут лохосы старого змея. Это одна из проблем. Говоря проще, весь восток Мирэй в огне. Воста из столицы улизнул, и у него осталось восемь верных ему лохосов и еще неизвестно, сколько чиновников и стражников в городах империи, которые верны нам, а не ему. Даже если бы мы поймали его, это нам вряд ли помогло бы, но для начала его следует поймать. И что у нас всплывет в таком случае? Правильно, необходимость найти старого змея, вернее узнать, где его нора. И мы пытаемся. Прилагаем все усилия для этого. Одно из возможных мест Маэль получил у дарьеналовской дочки, у Манисар, но я не думаю, что он именно там, где сказала эта маленькая змеюка. Но пока мы осадим эту горную крепость, пока возьмем ее штурмом, пока... пока... так много пока... И ты желаешь, чтобы мы тащили мать его величества императора через всю охваченную войной империю? Для чего, Театлин?

– Если мне будет дозволено сказать... – вклинилась в их жаркий спор Иннэйта. – Я соглашусь с Лоэналем. Сейчас небезопасно ехать через половину империи, не зная, откуда ждать нападения. К тому же, если объявить в столице о том, что ее величеству возвращены все права, сняты все обвинения и дарован титул императрицы-матери, вы удивитесь, насколько быстро в Мларисе станет тесно от желающих попасть в ее свиту.

– И что вы предлагаешь ты, мина Иннэйти? – Театлин выгнула бровь, посмотрев на любовницу своего брата.

– Пусть ее величество остается в форте Мларис, а для ее безопасности можно отправить еще две илы гвардии дополнительно. Форт Мларис мощная крепость, его так просто не взять, а еще две сотни гвардейцев значительно усилят гарнизон, а заодно и отобьют любое желание штурмовать крепость у буйных голов. А чтобы никто не сомневался в том, что ее величество вновь стала правящей императрицей с титулом императрицы-матери, пока наш император не нашел себе супругу, отправьте лимринга с соответствующим приказом в саму крепость, а его копию зачитайте на ступенях храма.

– Так и поступим, – предвосхищая вопросы и возражения Театлин, произнес Лоэналь.

– Вы меня победили, – подняла руки в знак капитуляции полуэльфийка.

Она даже кивнула головой, чтобы подтвердить свое согласие с ними. От этого в ее золотых волосах вспыхнули вплетенные в замысловатую прическу топазы, солнце сверкнула на тонких нитях сапфиров, свисавших вдоль висков.

– Вот и славно, – улыбнулся Лоэналь. – Пойдемте поужинаем, пока ты не начала таскать меня за уши за еще какую-нибудь провинность.

– Ты всегда заедал свои бедные уши, – хихикнула Театлин. – Я останусь поужинать, если ты так настаиваешь. Где

моя комната? Я отдохну перед ужином и приведу себя в порядок.

Она заметила, как с облегчением выдохнула Иннэйта, которая, похоже уже была готова разнимать брата и сестру, сцепившихся в смертельной схватке. Театлин ободряюще улыбнулась девушке, представляя, как та переживала бы, устрой они с Лоэналем баталию сродни той, что случались между ними в ее детстве. Герцогиня поднялась на ноги и величественно удалилась из комнаты, следом за мальчиком-рабом, на чьем ошейнике был герб рода ан Эгат.

Лоэналь откинулся на спинку кресла, с облегчением выдохнув, но расслабляться главе Имперского совета было рано. Его ухо вновь пронзило нестерпимой болью.

– Ай! Иннэйта!

– Что Иннэйта? Я уже давно ношу это имя! Ты зачем заставил свою сестру нервничать? – ласковым голосом поинтересовалась его фаворитка, продолжая тянуть за ухо.

– Да, вы с ней сговорились что ли? – взвыл Лоэналь. – Я люблю свою сестру и никогда не обижу ее. Она сама не поняла, что хотела от меня.

– Правда? И ты не пытался ей ничего объяснить?

– Она сразу же вцепилась мне в ухо, ты же это видела. Отпусти, Иннэйта! Мне больно!

Девушка отпустила кончик эльфийского уха и внимательно посмотрела на своего возлюбленного.

– Хорошо, – тут же ее настроение поменялось. – Бедные

наши ушки, им сегодня досталось.

Сладкий голос Иннэйты заставил Лоэналя буквально замурчать от удовольствия, словно кота, увидевшего сметану. А когда она поцеловала его в острый кончик, эльф не выдержал и, сметая со стола остатки бумаг, взгромоздил ее на столешницу.

– Лоэналь! Нас ждет Театлин и ужин!

– Ничего. Хора у нас есть, мне хватит.

Иннэйта засмеялась, принимая его поцелуй. Она прекрасно понимала его: разговор с сестрой, которую Лоэналь так любил, и мнением которой он дорожил превыше всего, добавил ему тревоги. Если Театлин его не поняла, значит все было зря. Сейчас ему требовались положительные эмоции, и она их ему даст.

*Четвертый месяц весны стакар. Девятый день
месяца.*

144 год от рождения империи

Варлиаль Аминирах Вират снял шлем и успел избавиться от перчаток, кивнув личному рабу, что можно подавать ужин и готовить горячую ванну, когда его настиг магический вызов. Эльф устало потер шею, рухнул в неудобное кресло прямо в доспехах и ответил, жестом выгоняя своих помощ-

ников из небольших покоев замка, в котором они остановились на эту ночь.

«Долго же ты отвечал на мой призыв», – раздался в голове ехидный голос Кириала.

«Простите, ваше величество, я был не один», – Варлиаль, мысленно вздохнул, понимая раздражение Кириала.

Разговор с королем был довольно внезапным и не вовремя. Варлиаль буквально четверть хоры назад слез с лошади, а теперь вынужден был бороться со смертельной усталостью, поддерживая магический разговор. Король не утруждал себя этим: открыв магический канал, он скидывал его на своего подданного, не желая тратить драгоценную королевскую жизнь на такие мелочи.

«Я прощаю тебя, Варлиаль», – насмешливо заявил Кириаль. – «Где ты сейчас?»

Варлиаль даже немного удивился вопросу короля. Обычно монарха не интересовало, что делают его подданные. И уж тем более ему было неинтересно, где они находились в данный конкретный момент. Варлиаль окинул взглядом небольшие покои в захолустном замке мелкого аристократа-землевладельца, которое занял штаб Аминирах Вирата. Комната была маленькой, обставленной, по мнению Варлиала, неудобной и дешевой мебелью, темные стены зеленого цвета давили на него, и эльф не был уверен, что сможет уснуть и тем более отдохнуть этой ночью, этой ночью. Занавеси на окнах чуть более светлого оттенка зеленого не добавляли

света, как и мебель из темных пород дерева. Варлиаль вздохнул.

«В замке одного из ваших из ваших верных подданных, где-то на севере. Гоню кого-то из кузенов низложенной королевы все дальше на север. Надеюсь, что сбрасывать в море их не придется», – наконец сформулировал свои мысли Варлиаль.

«Я тоже надеюсь. Морские боги жестоки. А самое главное, мне надо показательно наказать их», – Кириаль недобро усмехнулся.

«Ваше величество, если мне будет дозволено дать вам совет», – Вариаль отвлек короля от кровожадных мыслей.

«Говори».

«Если армия младшего Гимер Вистара исчезнет с лица Селерана, ничего не оставив после себя, даже памяти, такое наказание будет самым страшным для них. Ведь Хессель не отведет их в иной мир для новой жизни».

«Дахрат. Варлиаль, когда ты уже спокойно сможешь проносить название этого города?»

«Не знаю, ваше величество», – печально вздохнул Варлиаль, наливая себе в бронзовый кубок красное вино, которое рабы успели принести до того как его призвал король.

«Перестань уже печалиться об этом».

«Я давно уже успокоился, ваше величество. Я давно уже пережил это».

«Я надеюсь на то, Варлиаль. Но я тебя призвал не для того,

чтобы обсуждать твои планы, которые, надо признать, мне по душе. Я призвал тебя затем, чтобы попросить о помощи».

Эти слова заставили Варлиаля подавиться вином, которое он пил мелкими глотками, стараясь насладиться довольно дешевым пойлом, которое смог предоставить им хозяин замка. Аминирах Вират поморщился, наблюдая, как крупная красная капля ползет по его серебристой кирасе, по солнечному барсу его предков.

«Попросить? Ваше величество, вам не надо просить, вы можете мне приказать», – в мысленном голосе Варлиаля слышалось безмерное изумление.

«Не вижу в этом ничего смешного, командующий», – в голосе короля зазвучало недовольство.

«Простите, ваше величество», – Варлиаль добавил в голос толику раскаяния.

«Так вот. Я хочу вас попросить о помощи, и надеюсь, вы мне не откажете в том. Я отправил наследника короны в Мирэй, и надеюсь, что вы поговорите со своим сыном, который теперь практически управляет людской империей, чтобы он помог моему сыну. Скааль, конечно, не подарок и попал под влияние низложенной королевы, но я не хочу потерять его в пожаре гражданской войны, и на просторах людской империи, я тоже не желаю его терять. А твой сын, Лоэналь, сможет ему помочь выжить там».

«Ваше величество, империя Мирэй сейчас воюет с неизвестным врагом. Не лучшее время для того, чтобы отправ-

лять туда его высочество», – в голосе Варлиаля звучало неприкрытое сомнение.

«Ничего. Людские войны не столь страшны, как наши. Я хочу обезопасить его душу. К тому же, ваш сын и сын рода Контирэй Магат сейчас не последние существа там».

«Самаль управляет всеми магами, что заселили Мирэй», – мысленно кивнул Варлиаль.

«А твой сын стал главой Совета, что дает ему власть над империей», – ответил Кириаль.

«Ваш внук переиграл всех, он император, ваше величество», – парировал Аминирах Вират.

«Ты прав, но я не могу обратиться к нему. Потому, поговори со своим сыном, пусть он поможет моему в этом опасном месте».

«Хорошо, ваше величество. Я непременно свяжусь со своими детьми и дам им указания».

«Детьми?»

«Моя дочь, Театлин, тоже живет в Мирэй».

Варлиаль почувствовал, как скривился Кириаль.

«Я и забыл о ней», – — наконец произнес король.

«Вы никогда не воспринимали ее всерьез, ваше величество. Но в Мирэй она не на последнем месте, ведь она вдова одного из основателей империи, а также бабка императрицы-матери».

«Я как всегда забыл эту деталь», – Кириаль вздохнул. – «Думаю, ее поддержка Скаалю не будет лишней. На этом я

прощаюсь с тобой, Варлиаль».

«Я все исполню, ваше величество», – отозвался командующий его армией.

Варлиаль разорвал магическую связь, устало закрыв глаза. Он уже не мечтал о ванне, в голове пульсировала только одна мысль: упасть на кровать, как есть, и забыться сном до самого утра.

*Четвертый месяц весны стакар. Двенадцатый день
месяца.*

144 год от рождения империи

Громкий, резкий вопль лимринга пронесся над стенами, башнями и небольшим донжоном форта императорской гвардии Мларис. Птица-посланник расправила крылья, планируя вниз. Перед внутренним магическим взором лимринга раскаленным железом горел образ того, к кому его отправили. Сильный маг с такой мощью вложил образ адресата в память посланника, что птица даже испытывала жгучую боль всякий раз, когда ее посещала мысль об отдыхе. Лимринг желал избавиться от послания, которое нес привязанным особыми ремнями к груди. Оно жгло его, словно расплавленный металл, и, казалось, его перья вот-вот вспыхнут, лишая возможности скользить в воздушных потоках.

Лимринг в очередной раз огласил окрестности своим пугающе-противным воплем, от которого по коже бежали толпы мурашек, и заложил широкий, пологий вираж, оглядывая крепость с высоты в поисках соответствий магическому образу.

Типичная горная крепость оседлала перевал в гряде малого Хортата, сливаясь с горами своим цветом и фактурой. Шесть сторожевых башен и стены были сложены из того же серого камня, что и скалы позади него. Внутри находились несколько казарменных помещений и небольшой донжон из красного гранита, где проживали несколько офицеров гвардии и опальная императрица с маленькой свитой из двух служанок, которые не оставили ее в опале, навлеченной на ее голову бывшим главой Имперского совета Дарьеналом Востой и пошедшим у него на поводу почившим императором Маглором. Лимринг кружил над фортом Мларис, постепенно сужая круги, пока не опустился на коновязь рядом с офицерским донжоном, победно огласив крепость очередным воплем. Он прибыл на место, а тот, кто ему был нужен, находился неподалеку. Скоро он избавится от этого причиняющего боль послания. Совсем скоро.

– Что у нас там за шум? – командир форта, лейтенант императорской гвардии Уйнэс ам Сагир Ситэй вышел из донжона и окинул внимательным взглядом двор вверенной ему крепости.

– Лимринг. Из столицы, лейтенант, если верить знакам

на его ремнях, – стоявший рядом с птицей-посланником гвардеец вытянулся по стойке смирно, глядя на командира.

– Так заберите у него послание и угомоните птицу! От этого шума голова раскалывается! – рывкнул Уйнэс, и развернулся, чтобы уйти.

– Простите, лейтенант. Но я не могу. Особое послание, его можете забрать только вы. Мне не отдаст.

– Вот принесла нелегкая, – в сердцах процедил сквозь зубы лейтенант и шагнул к лимрингу.

Тот склонил свою уродливую голову, внимательно посмотрел на Уйнэса, словно пытался изучить каждую клеточку, каждый его жест, каждую черточку и пору на лице, словно сверяя его с тем образом, что горел в его мозгу. Лейтенант с обреченным видом ожидал, к какому выводу придет громогласное создание. Наконец, удовлетворившись сравнением, лимринг подставил футляр со свитком, позволяя человеку забрать послание. Лейтенант выдохнул. Он прекрасно знал, чем чревата попытка забрать у опасной птицы-посланника то, что адресовано не тебе. Он знал людей, которые лишились за это пальцев, а то и рук, кому-то, как он слышал, разодрали лица, лишив носов и ушей. Это была очень сильная и опасная птица. Лимринг покрутил головой, издал звук где-то между карканьем и мяуканьем кота в весенний гон и вновь уставился на Уйнэса своими змеиными глазами, словно ему не нравились его мысли. Лейтенант сглотнул ком, внезапно застрявший в горле, протянул руку и быстро от-

стегнул футляр с письмом, стараясь не прикасаться к жестким перьям. Птица-посланник насмешливо рявкнула, заставив Уйнэса вздрогнуть, едва не подпрыгнув на пассус-другой, и быстро ретироваться в офицерский донжон.

Он никогда не любил лимрингов. Эти огромные птицы его пугали, и он не стыдился признаться в этом. Стоило ему бросить взгляд на их крючковатые лапы, на когти, больше похожие на острые кинжалы, с которыми не расстаются жители таинственного Васавы, и лейтенант гвардии начинал мелко трястись, представляя, как эти когти впиваются в его тело, раздирают плоть, оставляя кровавые рваные раны, разбрасывая вокруг ошметки мяса. Уйнэса в который раз передернуло. Чтобы отвлечься от этих жутких мыслей, он развернул свернутый в трубочку листок и вздрогнул. Из Ариса пришли странные и вместе с тем радостные для гвардии вести. Император Маглор скончался, приняв смерть вместе со своей империей, которую он посчитал жертвой своего недалеко-видного правления. И империя возродилась, когда его сын и наследник Маэль ар Вариар возложил на чело корону и отныне восседал на троне Мирэй, правя всеми землями от моря и до моря. Уйнэс довольно улыбнулся. Тот топор палача, что висел над его головой в виде соглядатаев Восты, больше не был страшен, их хозяин лишился власти, а возможно, и жизни. Кроме того, в приказе сообщалось, что императрице Эмрии возвращается вся полнота власти и присваивается титул императрицы-матери. Уйнэсу нравилась импера-

трица. Она была добродетельной, уважительной и благородной женщиной, больше похожей на богиню, чем на человека. Впрочем, это было неудивительно, если учесть ее происхождение. Эльфы всегда казались людям, таким как он, бессмертными созданиями невероятной красоты. Прежде чем поспешить в комнату, ставшую темницей для великолепной императрицы, Уйнэс подозвал к себе одного из младших офицеров и тихим голосом распорядился:

– Немедленно вылови всех шпионов Восты и брось их в подземелье.

– Будет исполнено, лейтенант. – Уйнэс кивнул и направился на аудиенцию к Эмрии, неся ей благие вести.

Комната, в которой обитала Эмрия, была небольшой: три на три пасса, но ее это нисколько не смущало. Стены здесь были выкрашены в светло-бежевый цвет и прикрыты гобеленами грубой работы, на деревянном полу из выскобленного до белизны дуба лежала шкура медведя, добытая прошлой осенью Уйнэсом, а узкое, больше похожее на бойницу окно с массивной рамой закрывали тяжелые занавески цвета топленых сливок. Не отличалась роскошью и мебель, хотя лейтенант и распорядился, чтобы из Ансара доставили по возможности комфортную и надежную. Гвардейцы перерыли весь городок, но не нашли красивых шкафов и кроватей, которым, по их мнению, привыкла Эмрия. Но любой, кто нанес бы визит императрице, почувствовал бы себя словно в огромных покоях императорского дворца в Арисе. Им-

ператрица создавала ауру величия и благородства, которая заставляла забыть об убогости комнаты, как только посетитель переступал ее порог.

В дверь решительно постучали. Эмрия позволила посетителю войти, и тут же удивленно выгнула брови: на пороге возник сияющий как шлем гвардейца лейтенант ам Сагир Ситэй. Он держал лист бумаги, который словно жег ему руки.

– Что-то случилось, лейтенант? – тихий, мелодичный голос Эмрии набатным колоколом прозвучал в небольшой комнате, заставив Уйнэса вздрогнуть. Еще большее напряжения придавали прозвучавшие в нем нотки тревоги.

– Хорошие новости, ваше величество, – просиял гвардеец, стараясь развеять беспокойство императрицы.

– Увы, у меня больше нет права на такое обращение, – на губах Эмрии появилась легкая печальная улыбка, но плечи ее опустились, а тревога потухла во взгляде.

– Есть, – возразил Уйнэс. – Теперь есть.

Больше не произнеся ни слова, он протянул ей послание, которое сжимал в онемевших от напряжения пальцах. Эмрия нерешительно приняла письмо и с головой нырнула в начертанные на бумаге слова, удивившись в первые мгновения витиевatomу, размашистому почерку Лоэналя. Чем дальше она читала, тем больше чувств отражалось на ее обычно лице, обычно холодном и спокойном, как у мраморной статуи в императорском саду. В конце концов она

не смогла сдержать слез, которые тонкими, прозрачными ручейками защекотали ей щеки.

– Значит, мой супруг решил оставить нас и умереть вместе со своей империей... той империей, которую он знал, которую создал...

– Да, ваше величество.

– Да станут владения Ула цветущим садом для его души, – с болью в голосе произнесла Эмрия.

Как бы ни испортила их брак жестокая судьба и действия Восты, она любила того своего супруга, каким он был еще до вступления на престол. Храбрый, благородный воин, с красивой душой и бесстрашным сердцем. Душу Эмрии наполнила легкая печаль, которая не пригибала к земле, так что невозможно дышать, но причиняла легкую боль при каждой мысли о Маглоре.

– Его величество Маэль Первый приказал вам оставаться здесь, пока не закончится пожар войны, охватившей империю. Он считает, что так безопаснее для вас и спокойнее для него. Для усиления нашего гарнизона вскоре придут две гвардейские илы, – произнес Уйнэс, когда императрица прямо посмотрела на него.

– Мой сын-император мудр в своих решениях, – кивнула Эмрия. – Я исполню его волю, если боги не решат иначе.

– Нам дозволено потратить любые средства на ваши удобства, ваше величество. У вас есть пожелания, как сделать эту комнату удобнее?

– Нет, лейтенант. Мне ничего не надо. Лучше купите что-нибудь для обороны крепости. Никто не знает, куда покатится война. И приобретите лишнее зерно на зиму.

– Как прикажете, ваше величество. Тогда с вашего позволения я пойду. Через две хоры будет обед. Надеюсь, вы почтите нас своим присутствием, несмотря на ваше высокое положение, ваше величество.

– Конечно, лейтенант, всенепременно. Я не откажусь от столь приятной традиции.

Эмрия улыбнулась тепло и искренне. Ей нравился этот невысокий, гибкий молодой человек с огромными карими глазами, которые делали его похожим на благородного оленя, которые водятся в лесах самого сердца империи У него всегда была добрая улыбка и он ни разу не позволил себе неуважительно посмотреть на бывшую императрицу, осужденную супругом за то, чего она не совершала. Для лейтенанта она была правящей императрицей и он всячески подчеркивал это, насколько ему позволяло присутствие соглядатаев Дарьенала Восты. Теперь она могла отблагодарить его за преданность. И уж тем более она не собиралась отказываться от совместных ужинов и обедов с офицерами форта, которые стали для нее своеобразной семьей. Более того, она считала эти трапезы своей обязанностью, особенно теперь, когда сын вернул ей титул. Она вновь носила корону правящей императрицы, до того момента, когда это тяжелое украшение не коснется чела избранницы ее сына, которой сужде-

но править вместе с ним до конца дней своих. Тогда и только тогда Эмрия отступит в сторону, заняв положенное ей место императрицы-матери. Тогда у нее появится больше свободы, она останется нерушимым символом, и будет обязана посещать только малое количество семейных церемоний. Осталось подождать немного. Она была уверена, что Манисар Воста никогда не получит эту корону. Потому ей и предстояло ждать, исполняя обязанности правительницы империи.

Императрица Эмрия поднялась со стула с высокой спинкой и подошла к окну, выходявшему в небольшой огород, где местный лекарь выращивал различные лекарственные травы. Она любила смотреть на зеленевшие под окном листья мяты, оранжево-желтые цветы календулы, не мешала ей даже узость этой бойницы, по недоразумению называемой окном. Ей не удавалось даже открыть тугую, тяжелую створку. «Завтра на рассвете я прогуляюсь по стенам. Вдохну прохладный горный воздух. Почувствую ветер, что приносит со снежных вершин. Теперь это не причинит вреда лейтенанту ам Сагир Ситэю. Теперь можно», — — с улыбкой смаковала она свои мысли.

Глава третья

*Четвертый месяц весны стакар. Пятнадцатый
день месяца.*

144 год от рождения империи

Темные коридоры были для него привычной стихией. Он с легкостью скрывался в длинных черных тнях, которые расчерчивали любой дворец, несмотря на все огни, что его освещали. Ни желтый неровный свет факелов, ни ровный голубоватый магический свет не могли разогнать тьму в некоторых уголках длинных переходов. Именно в ней ему с легкостью удавалось прятаться. Слиться с тьмой, стать ее неотъемлемой частью, словно никогда и не существовало человека, лишь тени, что порой гуляют по дому. Иногда мужчине казалось, что он сам и есть эта темнота, что заполняет коридоры и покои дворцов и замков, он и есть та мгла, которая расползается по лесам с наступлением ночи. Он и есть бесплотная и могущественная тьма, что закрадывается в души людей, выползая из подземного мира, которым в мирэйских храмах правит мрачный Ул. И люди не видят, не замечают его, как не замечают черноты своих душ, принимая ее как часть себя. И он пользовался этим, на короткие мгновения покидая родную стихию, чтобы нанести смертельный удар тому, на кого укажут его хозяева: будь то человек или страна.

Мужчина толкнул высокую тяжелую дверь из могучего дуба, которую вряд ли удалось бы выбить силой, и шагнул в залитую ровным голубоватым магическим светом комнату. Этот свет придавал предметам странные, резкие очертания, которые меняли их контуры. То же происходило и с живыми существами. Именно поэтому у разыскиваемого столь долго человека черты лица были странными, острыми, словно хорошо наточенные ножи. Услышав едва различимый шорох шагов, сидевший за столом человек поднял на вошедшего заинтересованный взгляд. Хозяин комнаты был высок и светловолос настолько, что в магическом свете его волосы казались серебряными. Было видно, что он хорошо сложен и явно умеет обращаться с оружием. Но что-то во всем его облике, в его фигуре, в том, как он отложил столовые приборы, настораживало.

– Кто вы? И зачем вы здесь? – его голос был похож на военную трубу, такой же глубокий, зычный и сочный.

– Вы Мегин ар Вариар? – поинтересовался мужчина, мягко обходя его по дуге.

– С кем имею честь?

– Это совершенно неважно. Если вы Мегин, брат покойного императора, тогда...

– Вы меня убьете? Что ж разочарую вас, ваши хозяева не заплатят вам за мою смерть. Увы... – хозяин комнаты рассмеялся. Смех у него был таким же глубоким и грудным, как и голос. – Боюсь, что я вас очень сильно разоча-

рую. Я не принц Мегин, и уж тем более не герцог Свардис. Увы... Увы...

– Поясните... – таинственный посетитель устался на хозяина с неподдельным непониманием, казалось, что все внутри него оборвалось и похолодело.

– А что тут объяснять, мой неизвестный друг? Все задумано так, чтобы ты поверил в то, что я и есть принц Мегин. А я его двойник, так сказать.

– Но...

– Давайте я вам разьясню. Когда его величество Маглор надел на свое чело корону империи Мирэй, новоназначенный глава Имперского совета Дарьенал Воста решил обезопасить свою власть и отослал из столицы брата императора принца Мегира. Дабы тот под ногами не путался, так сказать.

– Но вы? Кто тогда вы, если не Мегир? – выдавил из себя ночной таинственный посетитель.

– Я же вам говорил уже. Его, так сказать, двойник, – лже-Мегир усмехнулся, делая глоток из кубка. – Хотите вина?

– Н-нет, спасибо, – мужчина внезапно запнулся в словах.

– Но чтобы такие как вы не смогли освободить брата императора и не помешали главе Совета Восте править империей от имени Маглора, я, сын простого сапожника, изображаю Мегира. Я даже не похож на него, – улыбнулся хозяин. – Боюсь, друг мой, вам придется начинать свои поиски сначала. И не особо ориентироваться на мои черты лица. Мне же осталось недолго купаться в этой, так сказать, роскоши. Уже

пришли новости о том, что Дарьенал Воста боле не правит в Мирэй. Хотите мяса? Нет? Жаль. Оно больно хорошо удалось кухарке.

Его гость потянулся к поясу, понимая, что он жестоко ошибся и ему следует выбираться из этого неприятного положения. В его голове крутились сотни вариантов, тысячи решений. Следовало торопиться, ведь послание, отправленное хозяевам, вот-вот достигнет их ушей, и от него будут ожидать определенных результатов. Ему нужно было как-то оправдаться, но он не знал, что может сделать. Ситуация была безвыходной. И его это пугало. Больше всего он боялся, что за ним отправят убийцу, одного из тех, чьей руки ему не избежать, который может забрать жизнь кого угодно. И отправят его, дабы остановить неумелого шпиона, который может причинить им вред, ведь никто не знает, какова причина провала: неудача или предательство. Мужчина не желал расставаться со своей пусть жалкой, но все же жизнью, а потому времени на принятие решений оставалось не так и много.

– Боюсь, вам предстоит начать все с начала, мой друг, – лже-Мегир усмехнулся.

Его голос и смешок прозвучали, как тревожный набатный колокол в воцарившейся в комнате тишине.

– И где мне его искать? – выдавил из себя незванный гость. – Если старый паук Воста наплел паутины, что даже сам в ней запутался?

– Вот тут я вам не смогу помочь. Ничем. Моя судьба и так висит на волоске, а знай я, где сейчас принц, меня бы ждала смерть от рук моих стражей, – покачал головой лже-Мегир. Его взгляд невольно скользнул по собеседнику. – Если вы собираетесь меня убить, неважно, зарезать там, или задушить, знайте, что вам не следует этого делать.

– Что меня остановит? – мужчина выгнул бровь, бросив на двойника изучающий взгляд.

– Ну, например, то, что моя смерть приведет к необратимым последствиям, которые вам совершенно ни к чему, – лже-Мегир снова усмехнулся. – Тогда у вас не останется ни единого шанса выбраться из этой ловушки.

– Это к каким? И что за ловушка?

– К смерти настоящего Мегира. Знаете... Он живет где-то в своих владениях, которые ему запрещено покидать, но там он ни в чем себе не отказывает. Единственное, что моя смерть повлечет за собой – это его смерть. Глава Совета Воста слишком боялся, что умный, не в пример своему брату, младший внук императора Мара перехватит у него контроль над своим глупым и слабовольным братом. Перехватит вожжи этого жеребца, запряженного в телегу, нагруженную империей и властью, так сказать. Восту это не устраивало ни в каком виде, он же уже запустил свои щупальца во власть и захватил разум наследника за неполный год. Мегира сначала арестовали и заперли в темнице, я-то знаю, меня туда водили, чтобы я хоть немного воспринял его мимику и же-

сты, слегка походил на него издалека, а затем... затем император Маглор взбрыкнул и решил отправить брата в поместье. Воста подстраховался.

– Как? – этот странный человек полностью захватил внимание таинственного гостя, который следил за каждым жестом лже-Мегира.

– Приказал убить Мегира в случае моей смерти, – хмыкнул тот. – Ведь смерть лучшая страховка от провала, не так ли? Видите? Вам не выгодна моя смерть ни в каком виде.

– Пожалуй, вы правы, – пробормотал мужчина.

– Я несомненно прав – лже-Мегир кивнул. – А теперь вам пора, друг мой. Идите и не оглядывайтесь. Скоро здесь будет стража. Не люблю кровь.

Незванный гость вскочил на ноги, словно вырвавшись из плена какого-то странного наваждения. Его взгляд заметался по комнате, по заполняющей ее мебели, ища место, где можно слиться с родной ему тьмой, но в то же время он понимал, что это будет временное решение, и стать частью этой темноты надолго он не сможет. Лже-Мегир насмешливо кивнул на окно.

– Там не особо высоко. Не разобьетесь. Зато стена там примыкает к реке, и место глубокое, и лес близко к ней подходит.

– Почему вы помогаете мне? Я же враг империи и вы не можете этого не понимать? – мужчина замер на месте,

взглянув на двойника брата императора с каким-то затравленным интересом.

– Мне скучно. А вы добавили немного веселья в мою жизнь. Представляю, как будет беситься стража, когда поймет, что упустила убийцу. На несколько дней мне гарантировано развлечение.

Мужчина поперхнулся. Ему было понятна такая мотивация. Он сам был таким. Искал веселья и развлечений. Порыв ветра, ворвавшийся в распахнутые створки оконной рамы, это все, что осталось напоминанием о таинственном госте, исчезнувшем в темноте. Ворвавшиеся в комнату гвардейцы озирались по сторонам в поисках нарушителя спокойствия. Но его уже не было. Командир этого небольшого отряда ощущал взглядом каждый дигит, пытаясь найти нарушителя, но тщетно. А ухмылка двойника принца Мегира заставляла его нервничать еще больше. Остаток ночи замок гудел, как осиное гнездо, растревоженное нерадивым мальчишкой.

Четвертый месяц весны стакар. Девятнадцатый день месяца.

144 год от рождения империи

Кириаль любил войну. Он с удовольствием принимал участие в приграничных стычках с племенами варваров, что жи-

ли на землях империи Мирэй раньше, пять сотен лет назад. Потом их сменили более-менее цивилизованные воины, вооруженные хорошими клинками, но и они не могли стать серьезными врагами. Хотя некоторые из них оказались опасными соперниками для эльфов. Но это была война, война настоящая, будоражившая его кровь, заставлявшая душу трепетать, а пальцы сильнее сжимать рукоять меча. Кириаль Скайтэраль любил войну. Любил то чувство силы и опасности, что охватывало его душу, когда он садился в седло, вынимал из ножен меч и опускал забрало. Его кровь закипала, а душу охватывало возбуждение предстоящей победы, когда он начинал воевать против мелких землевладельцев, шедших против короны. Король Элеана Кириаль Второй любил войну. Но не такую. Уже полдня он разбирал донесения, планы, карты, предложения, которые были навалены на его столе. Ему даже приходилось отставить кубок с вином на невысокий табурет, ибо места на столешнице не хватало. Король честно пытался вчитаться в слова, описывающие обстановку, которую он и так видел воочию. Он честно пытался... Кириаль в очередной раз потер уставшую шею, которую буквально ломило от напряжения. Никто не давал ему почувствовать вкус битвы, и он мог только корпеть над бумагами, словно писарь какой-то.

Военный лагерь эльфийского короля, раскинувшийся под стенами замка бунтовщиков, посягнувших на его власть, содрогнулся от оглушающего грохота. Шатры колыхнулись

под сильным порывом ветра, созданного запущенным врагом магическим огненным снарядом, вгрызшимся в землю неподалеку от королевского шатра. Пламя прыснуло в разные стороны, врезаясь в стены магического щита, защищавшего шелковый дворец, и оседая на них. Лошади громко заржали и забились, в страхе пытаясь вырвать поводья из рук конюхов, сорваться с коновязей и убежать прочь от жалящих огненных искр. А полыхающая земля вызывала у них приступы дикой паники, отчего они выкатывали глаза, раздували ноздри и били копытами в землю, игнорируя все попытки успокоить. Воины слегка пригнулись, стараясь прикрыть голову от сгустков пламени, полетевших в разные стороны, но частично сдерживаемых магическим барьером.

Кириаль же гордо стоял в полный рост на пороге своего шатра и с презрительной улыбкой разглядывал стены крепости, словно бросая опасности, прилетевшей к ним. На стенах суетились маги противника, готовя очередной удар по лагерю королевской армии. И жалеть своих жизней они явно не собирались, это было понятно по их решительному виду. Пока они собирали силы, их место заняли метательные машины. Но их дальнобойности не хватало, чтобы докинуть снаряды даже до невысокого частокола, окружавшего лагерь, не то что до первой линии шатров.

– Кто-то из Корпуса там есть? – перекрывая рев огненного сгустка, сдерживаемого магическим щитом, спросил Кириаль.

– Пока неизвестно, ваше величество, – раздалось в ответ. Король не знал, кто именно ответил на его вопрос, да его это и не интересовало.

– Уточняйте быстрее. Пошлите за старшими магами Корпуса. Я хочу точно знать, кто сейчас там на стенах и какого уровня магических действий мне ожидать? Да и частокол следует защитить. Жертвы нам не нужны.

– Слушаюсь, ваше величество, – говоривший сорвался с места и побежал куда-то в сторону внешнего периметра лагеря, это Кириаль заметил уже краем глаза.

Воздух вокруг вновь наполнился гулким свистом, который сменился ревушим грохотом. Вновь испуганно захрапели лошади, забились, стараясь вырваться из пут и убежать, закричали эльфы, стараясь перекрыть царивший вокруг хаос и навести порядок. Шум нарастал, приближаясь к наивысшей ноте, но в следующее мгновение раздалось громкое шипение, словно кто-то вылил большой чан воды на огромный костер. Кириаль поморщился. Этот звук неприятно резанул по ушам, словно кто-то с силой ударил по шлему, надетому на голую голову нерадивым воином. Недалеко от первого сгустка пламени, запущенного из магической катапульти, шипел и плевался огнем второй, запущенный тем же способом. Кириаль криво усмехнулся, продолжая стоять под небольшим навесом, прикрывающим от солнечных лучей вход в сам шатер. Король теперь точно знал, кому бросал вызов – магам своих врагов, тщетно пытавшихся его убить.

Они вновь принялись творить заклинания. По тому, как они смотрели на лагерь, было понятно, что они пытаются рассчитать расстояние до королевского шатра, и учесть при этом возможность противодействия со стороны королевских магов.

Кириаль с трудом оторвал взгляд от врагов, что суетились на стене замка, и собрался уже посмотреть на нерасторопных подданных, которые по его мнению не особо торопились исполнять его приказы, когда перед ним сгустился воздух, засияв привычным для магии голубоватым светом. Кириаль заинтересованно наблюдал за творимым кем-то заклятием, даже не помышляя о бегстве. Пары мгновений хватило, чтобы сгусток обрел форму, приобретя черты хрупкой эльфийки, чей образ вызывал у короля неприятие до зубового скрежета.

– Ты рискуешь, Кириаль, – голос у магической копии женщины дребезжал и скрипел, отчего король скривился. – Очень рискуешь.

Она переливалась от бледно голубого, почти прозрачного, до темно-синего, отчего через несколько мгновений у Кириаля начало рябить в глазах. Но он старался не показывать вида.

– Ваши маги бессильны причинить мне вред, Сантэль, – в голосе Кириаля звучала насмешка. – Ты прибыла молить о пощаде?

– Нисколько. Нисколько, Кириаль, – на полупрозрачном

лице женщины появилось подобие улыбки.

– Ты уже не королева, Сантэль, – покачал головой король. – А значит, обращай ко мне как подобает. Называть меня по имени тебе отныне не дозволено.

– Как подобает, значит... Ты обошелся со мной, как с последней простолюдинкой, забыв о том, что я королева. Пусть к тому моменту уже не твоя, но все же королева. Почему я должна соблюдать приличия и этикет?

– Ты сама выбрала свою судьбу. Не я заставил тебя сделать это. А теперь ты боишься появиться предо мной лично, заставляя магов тратить свои жизни, дабы ты могла бросить мне очередной вызов. Ты сама виновата в своих бедах, Сантэль. Или ты ожидала милости и награды, когда шла против богов?

– Я ожидала, что супруг забудет о неизвестной девчонке, что появилась в Мирэй, и обратит свой взор на то, что происходит в его доме, – даже искаженный магией голос передал горькую усмешку, коснувшуюся губ Сантэль.

Кириаль вздохнул. Сантэль все так же не понимала того, что она натворила. Продолжая упорствовать в своих заблуждениях.

– Неизвестной девчонке... Если бы ты хоть на миг остановилась и сняла шоры ревности, Сантэль, тогда узнала бы, что эта «неизвестная девчонка» воспринимается всеми, как моя дочь. И я признал ее, как свою дочь, и твои наущничавшие идиоты могли бы знать об том. По-твоему, я настолько

низко пал, чтобы тащить на свое ложе дочь и возлечь с ней, как с женщиной? По-твоему, мне не хватало любовниц?

– Все это уже неважно. Ты давно заигрался в жеребца-производителя, Кириаль. И твой разум работает именно так, как у жеребца. Думаю, ты даже не помнишь всех, с кем делил ложе.

Услышав это обвинение, Кириаль не сдержался и рассмеялся.

– Ты зачем пришла, Сантэль? Оправдываться? Меня обвинять? Или все же собираешься сдать и молить о пощаде? Если последнее, я обещаю подумать и смягчить твою судьбу. Отправить в Дахрат, вечно служить своей семье в чертогах богини Хессель.

– Ни то и не другое, Кириаль, – ухмыльнулась Сантэль. – Я хотела предупредить тебя – взятие этого замка ничего тебе не даст. Это будет лишь пустой тратой королевского времени и сил.

– Неужели?

– Ни меня, ни моего брата там уже нет. Найти нас... Ты не сможешь нас найти, мы уже далеко, и я не скажу, куда именно мы направляемся. Что до твоего корпуса магов, – видя, что Кириаль собирается использовать этот аргумент, перебила его Сантэль. – Мы уже далеко и под защитой могущественных сил.

– В Элине? – насмешливо поинтересовался король. – Только там ты сможешь спрятаться от моего гнева и армии

под командованием Аминирах Вирата.

– Нет, Кириаль. Ты прекрасно знаешь, что никому не суждено пересечь океан и найти легендарный Элин за туманной границей штормов. Мы с братом под защитой иных сил, но столь же могущественных, как и наши элинские предки и их боги, – услышав это, Кириаль скривился, мысленно возразив ей: «Это и твои боги, дура». – Запомни, что я всегда буду сражаться с тобой, Кириаль. И мой брат будет. С тобой и твоей армией, сколько воинов бы ты не пригнал. И наши последователи будут. Теперь ты будешь оглядываться и вздрагивать от каждого звука, ибо я буду преследовать тебя всю твою долгую жизнь. Эта война только начало. Я никогда тебя не прощу, Кириаль.

– Все? Ты закончила, наконец, мне угрожать? – Кириаль скрестил руки на груди, насмешливо глядя на образ своей бывшей супруги. – А теперь послушай меня. Внимательно послушай, ибо повторять свои слова я не буду. Это моя страна, Сантэль, и я буду защищать ее до последнего вдоха. Это моя корона. И ее я вам никогда не отдам, что бы вы ни делали, что бы ни предпринимали. Это мои подданные, Сантэль. И я буду сражаться за них, я пролью столько крови за них, сколько потребуется богам, а значит... значит, я буду гнать тебя через весь Пандагирэй, пока ты не упадешь в океан и не захлебнешься соленой водой вместе со своим братцем, предателем короны. Я буду гнать вас, как гонит добычу хищник, наступая на пятки, дыша в спину. А пока... Пока я срав-

ню с землей ваш родовой замок, чтобы ничто не напоминало миру о вашем гнусном роде, который влез в королевскую семью и пожелал откусить гораздо больше, чем может прожевать обычный эльф. Перепрыгнуть через голову старших родов... Такой дерзости не ожидали и от богов. Но попросайся со своим замком, Сантэль.

Кириаль махнул рукой, и к крепостным стенам устремились сотни магических таранов, а за ними летели мощные ветра, которые уже сплели члены Магического корпуса, прибежавшие на зов короля. Снаряды столкнулись с препятствием. Раздался оглушительный грохот и стены начали медленно оседать, оставляя после себя сизое облако каменной пыли. Послышались вопли придавленных камнями магов и воинов гарнизона. Магическая проекция Сантэль закричала, но никто не услышал этого крика исчезающего образа, который быстро развеял своей силой Акрималь. Маг позволил низложенной королеве увидеть последние мгновения жизни своего родового замка, увидеть судьбу, которую они с братом навлекли на верных им подданных. Кириаль не любил лишних жертв среди тех, кто просто выполнял приказы своих хозяев и повелителей, но сейчас он решил, что ему следует отступить от этого принципа. Ему казалось, что это спасет гораздо больше жизней, чем сейчас он готовился отобрать.

– Убить их всех, – прозвучал безжалостный приказ Кириалья.

*Четвертый месяц весны стакар. Девятнадцатый
день месяца.*

144 год от рождения империи

Лайя была небольшим городом, раскинувшимся на изрезанном скалами живописном берегу широкой лагуны с прозрачно-синей водой. Она напоминала ожерелье из ляпис-лазури, подобное тем, что носили небогатые торговки, которые не могли себе позволить покупать настоящие драгоценные камни. Традиционные приморские домики из белого песка, крытые синими, как море в штить, крышами, жались друг к другу, на узких улочках прогуливались горожане, облаченные в легкие одеяния из яркого разноцветного шелка. Лайя была портом приписки ограниченного контингента военных кораблей Мирэй, и половины лохоса для их охраны на суше, но вот уже два года ее пирсы больше напоминали центральный базар в торговый день, заполненный разношерстной толпой. Причалов для всех кораблей не хватало, кто-то стоял на якоре прямо на фарватере, те, кому хватило места в порту, прижимались друг к другу бортами, словно сплетающиеся в объятиях любовники, давно не видевшие друг друга и, наконец, встретившиеся после долгой разлуки.

Кроме кораблей в городе было много членов их экипажей,

а также воинов, стоявших под стенами города нескольких лохосов, которые оккупировали все постоянные дворы и таверны в Лайе. Владельцы питейных заведений и публичных домов радовались стабильной выручке, которую приносили им все эти жаждавшие выпивки и любви люди. Лайя превратилась в военный лагерь и штаб тогда еще наследника престола Маэля ар Вариара. А потом городу предстояло занять место островка стабильности и силы в разваливавшейся по швам империи, куда всегда можно было сбежать и откуда начать наступление. С недавних пор город стал еще основным штабом и для тайной службы империи, которая развернула бурную деятельность на ограниченном пространстве вверенного ей имперского герцогства, самого маленького в Мирэй. Агентам Великого шпиона пришлось учиться осторожности в работе на территории остальной империи. Как бы странно это ни звучало, им приходилось шпионить в Мирэй так, словно в чужом королевстве: оглядываясь и стараясь не привлекать ненужного внимания.

Такое положение не нравилось главе тайной службы империи Варену ат Елар Винарзу, но он ничего не мог поделать с этим. Только помогать тогда еще наследнику престола Маэлю и императору Маглору, которому он когда-то принес клятву, всеми доступными ему способами и по мере сил и возможностей. Каждый день Великий шпион выходил на широкий балкон особняка, в котором он обосновался. Хозяин его торговал тканями и поддерживал Восту, пото-

му свернул свою торговлю и покинул город, причитая о том, что оставляет свой дворец грабителям из имперской армии. Дважды уговаривать «грабителей» не пришлось: проводив предателя и стукача за городскую стену, офицеры обосновались в его огромном и вычурном дворце, к радости честных торговцев и ремесленников Лайи. Никто не желал связываться с продажным торговцем, у купцов был свой кодекс чести, который они чтити, а беглец нарушил без зазрения совести. Никто не знал, куда он сбежал, впрочем, никого это и не интересовало. Лайя жила своей насыщенной жизнью оплота императорской власти в Мирэй.

– Что скажете, лэй Варен? – стоявший рядом с главой Тайной службы империи Сириль ан Вират Мирэсель изучал столпотворение в гавани.

– Думаю, нам следует их развести, так чтобы они не терлись бортами. Иначе они станут прекрасной мишенью для врагов. Один залп магическим огнем, и мы лишимся флота. Всего флота.

– Вы правы, лохат. Следует передать начальнику порта, что стоит отправить некоторые корабли на патрулирование побережья, а еще часть поставить на временных пристанях в бухте. По-хорошему вывести бы их в какую-нибудь секретную лагуну, которую не видно с моря.

– Я могу распорядиться, чтобы мои шпионы отыскивали такую. Тому, кто попробует напасть на Лайю – будет большой

сюрприз.

– Главное, чтобы они не забыли потом провести туда моряков, а то обнаруженная ими лагуна может и не подойти кораблям.

– Это разумно. Но можно отправить и моряков из числа моей службы.

– Знаете, иногда я вас боюсь, Великий шпион, – преувеличенно осторожно отодвигаясь от него, заявил Сириль, а затем оба рассмеялись.

Успокоившись, они на несколько долгих мгновений замолчали, глядя на лазурные воды моря. Из бухты медленно выходили два боевых корабля, которым предстояло пройти до границ Элеана и снова вернуться в Лайю. Солнечные лучи мягко ласкали их борта, словно любовница своего мужчину под покровом ночи, а корабли уверенно шли своим курсом, не замечая жарких объятий. Сириль вздохнул, глядя на это. Он устал от каменного мешка, в котором вынужден был оставаться, хотя предпочитал военные лагеря полные воздуха и солнечных лучей. Но ситуация в империи вынуждала его сидеть в Лайе, дыша жаром, исходящим от камня, которым были вымощены улицы. Как раз, когда Сириль закрыл глаза, пытаясь поймать дуновение морского бриза, слегка охлаждавшего разгоряченную кожу, на террасе появился один из офицеров.

– Из столицы прилетел лимринг, – сообщил он, обращаясь к обоим.

– Какие новости?

– Император Маглор почил, император Маэль возложил корону на свое чело. Вам приказано ждать указаний.

– Боги услышали наши молитвы, – пробормотал Сириль.

– Ваши слова – преступление, лохат, – иронично улыбнулся Варен.

– Я этого не отрицаю, – пожал тот плечами. – Но согласитесь, последние годы его величество Маглор уничтожал империю. Я удивляюсь, что она устояла, и нам с вами еще есть, что защищать. Надеюсь, мой племянник будет великим правителем, и империя прирастет владениями.

– Нам бы удержать созданное их величествами Вариаром и Миаллом. Империя расплзается как кусок гнилой ткани.

– И не говорите, лохат. Но теперь мы сможем сделать больше. Приложим все усилия.

– Маэль наша надежда.

– Главное, чтобы его не сломало то, что с ним сотворили. Мои шпионы, пока еще могли, докладывали, что его характер меняется. Его величество становился жестоким и порой безжалостным. И это пугало, лохат. Надеюсь, что свадьба с этой маленькой дрянью из рода Восты не сделает его окончательно похожим на прадеда. Мне бы не хотелось иметь дело с подобным чудовищем.

– Он справится. В моем племяннике течет королевская кровь Элеана. А мои предки умели быть благородными и жестокими одновременно. Думаю, что кровь Элеана пересилит

дурную кровь, что принесла в род Вариара прабабка Маэля, родившая то мнительное чудовище, да простят мне боги такие слова в адрес императора.

– Одно радуется, лохат, теперь у нас пропало чувство безнадёжности. У меня теперь развязаны руки, я могу жестоко расправиться с шпионской сетью Восты, не опасаясь того, что он уничтожит моих людей, – Варен облокотился на мраморные перила. – Пусть заходят в города. Жаль, что сеть почти рухнула, и придется все восстанавливать с нуля.

– Ох, Великий шпион, я с трудом верю в то, что у вас нет ниточек для сети, которую вам следует починить, – Сириль рассмеялся.

– Чинить не надо, следует просто накинуть на империю и соседние государства.

– Неужели это настолько сложно?

– Это всегда сложно, – улыбнулся Варен. – Шпиона нельзя просто отправить в город и приказывать собирать сведения. Шпион не должен вызывать подозрения, он должен какое-то время прожить в городе, чтобы стать своим. Все должны привыкнуть к нему и верить, что он тут жил вечно. Все не так просто.

– Так вот как это работает. Мне следует проверить свою прислугу и офицеров, вдруг у меня шпионы засели, – усмехнулся Сириль.

– Не поможет. Они настолько органично вливаются в окружающий мир, что их невозможно от него отличить.

Поверьте мне, лохат.

– Я вам верю, Великий шпион.

Сириль замолчал и устремил взгляд вдаль, скользя по бирюзовым волнам, которые покрывали белые барашки пены. Солнце высекало огненные искры из воды, весело рисуя на поверхности золотые узоры. В природе появилось что-то такое, что придавало всему вокруг окрас жизнерадостности. Казалось, что с их душ свалился тяжелый груз, который они тянули на себе все это время. Сириль подумал, что они подобны тягловым волам, которые привыкли таскать невероятные грузы, не ропща на судьбу, которая подкинула им такие испытания.

Его мысли были созвучны думам Варена, который тоже сравнивал себя с тягловым животным, но скорее с крепкой лошадью, которая возила тяжелые возки или телеги военных обозов. Впрочем, Варен предпочитал быть похожим на тех, кто таскает возки, ведь аристократы с особым тщанием подходили к выбору их экстерьера. Только лучшие и сильнейшие допускались до того, чтобы везти аристократку в дальнейшее путешествие.

– Думаю, нам стоит собрать совет из лохатов, что стоят в Лайе, и тех членов Имперского совета, что уехали сюда, – Сириль нарушил блаженную тишину, воцарившуюся на террасе. – Сколько ваших друзей в городе?

– Четверо, считая меня. Это не так много и не так мало, – усмехнулся Варен. – А что вы желаете им сказать, лохат?

– Ничего особенного. Рассказать новость из столицы и сообщить, что нам следует немедленно заверить императора в своих верноподданнических чувствах.

– Этого не требуется, лохат. Его величество знает о нашей преданности, а клятву верности мы принесем тогда, когда увидим его. К тому же в скором времени мы получим приказ прибыть в столицу.

– Откуда вы это знаете?

– Все очень просто, это логика, лохат.

– Конечно.

Сириль усмехнулся, понимая, что давно не испытывал такого счастья, как сейчас. У Мирэй появился достойный император, и он выведет империю из безумия, в которое вверг ее рыбак, возомнивший себя правителем.

*Четвертый месяц весны стакар. Девятнадцатый
день месяца.*

144 год от рождения империи

Густые кроны деревьев сплетались в монолитный потолок, который расступался над просторной поляной, покрытой мягкой зеленой травой, украшенной вкраплениями сиреневых и белых капелек цветов, источавших сладковатый, душливый аромат. Но благодаря просвету в кронах он

не скапливался и позволял дышать, почти не замечая его. Деревья дарили тень и прохладу, которая была нужна путникам. Отряд эльфов воспользовался этой прогалиной в густых, почти непроходимых лесах Элеана, чтобы получить несколько хор отдыха для воинов и лошадей. Они бежали, не оглядываясь. Только вперед, по едва заметным тропам, которые терялись в труднопроходимых чащах.

Удивительно невзрачная, почти некрасивая эльфийка металась по поляне, то и дело заламывая руки, останавливаясь, бросая отчаянные взгляды вокруг и снова отправляясь в свое маленькое путешествие. Она время от времени громко возмущалась, посылая слова проклятий королю Кириалю, словно тот мог их услышать. Эльфы из сопровождавшего ее отряда молча следили за мечущейся женщиной не пытаясь ее остановить, да и вовсе стараясь не замечать ее. Они быстро и аккуратно сворачивали импровизированный лагерь, старательно не глядя в сторону разъяренной эльфийки, которая, похоже, не контролировала свои эмоции, и разве что молнии не метала. Та сделала еще несколько шагов и, наконец, остановилась, замерев в центре поляны. Ее потемневший взгляд скользнул по спокойно восседавшему на грубо сколоченной скамье эльфийскому воину и буквально впился в него.

– Прекрати бегать, как напуганная лошадь, Сантэль, – наконец, не выдержал мужчина. – Ты сама подвела нас к краху.
– Я?! – задохнулась эльфийка. – Не я начала войну, брат! Это была твоя идея поднять восстание и скинуть Кириалья

с трона!

Эльф посмотрел на нее долгим внимательным взглядом и вздохнул. Он не был похож на невзрачную сестру внешне: красивое типично эльфийское лицо с лазоревыми глазами слегка портил только орлиный нос, больше подошедший бы человеку. Его атлетическую, красивую мужскую фигуру не скрывали даже искусно сделанные лучшими элеанскими мастерами доспехи, покрытые узорчатым травлением, изображавшим хищных птиц, что выставив вперед когти атаковали свою добычу. А если бы враг имел возможность присмотреться к кирасе, наплечникам, наручам и поножам, то прочитал бы цитаты из неписанного Кодекса воинской чести, который эльфы чтили выше сказаний о богах и своих законов. Его темно-золотые волосы были стянуты в высокий хвост, открывавший всему миру главный признак принадлежности к эльфам – остроконечные уши. Он с вызовом демонстрировал дневному и ночному светилам свою принадлежность к древнейшей расе Селерана.

– Ты так хотела избавиться от той девки, которую благословила Селера, а Кириаль молниеносно признал своей дочерью, что буквально потеряла рассудок, – эльф усмехнулся, скрестил руки на груди и посмотрел на Сантэль слегка прищуренным взглядом. – Тебе так хотелось убрать ее из поля зрения твоего обожаемого супруга, что ты забыла о том, что она возлюбленная названная дочь богини Селеры. И богиня не будет спокойно смотреть на твои ухищрения. И уж тем

более тебе не стоило ждать прощения от нашего общества, где каждая аристократичная дура спит и видит возложить на свое чело корону. Думаешь, они упустили возможность тебя уничтожить и устроить битву за Кириала и место в его койке? Это из-за твоей глупости на тебя ополчились жрецы, это из-за твоей глупости тебя приговорили к жертвоприношению.

– Но это ты развязал войну с Кириалем, брат, не я. Ты. Стамиаль Гимер Вистар. Именно ты воспользовался моментом, чтобы расколоть Элеан. Именно ты увлек малые рода в сети своего тщеславия и бросил их в горнило войны, которую им никогда не выиграть.

– Я... Я лишь воспользовался благоприятной ситуацией. Но оружие в мои руки вложила именно ты, дорогая сестрица, – криво усмехнулся Стамиаль, наблюдая за ее пунцово-юющим лицом.

Воины, снимавшие лагерь, то и дело бросали заинтересованные взгляды на ссору брата и сестры, а те уже не замечали ничего вокруг, продолжая осыпать друг друга обвинениями.

– Ты всегда умел воспользоваться моментом, брат, – покачала головой Сантэль. – Ты уничтожил мою жизнь, Стамиаль. И прежде чем ты напомнишь мне о том, что это я во всем виновата, я скажу тебе, что ты меня бросил на алтарь твоей победы, которой не состоялось. Теперь даже Скааль, считавший меня своей матерью, настроен против меня, он мне ни за что не поверит больше, а Кириаль... Кириаль ме-

ня теперь уничтожит. Сотрет с лица Селерана. Даже памяти не останется. И он меня не пожалеет, забудет о тех годах, что мы прожили вместе. Забудет, что я была королевой.

– У тебя не осталось выбора, сестра, – усмехнулся Стамиаль. – Теперь нам придется идти до конца. Даже если ты хочешь повернуть назад.

– И что ты предлагаешь, Стамиаль? – низложенная королева эльфов обреченно вздохнула.

– Уходить из Элеана. Покинуть его, собрать армию и вернуться сюда уже во всеоружии, чтобы уничтожить Кириала, забрать то, что наше по праву.

– Я согласна, что мы должны уйти из Элеана, но возвращаться назад... Нет, я не думаю, что нам следует так поступить. Тем более, что возвращаться нам уже некуда.

– О чем ты, Сантэль?

– Наш родовой замок разрушен. Его больше нет.

– Ты так переживаешь об этой груде камней...

– Я и не знала, Стамиаль, что ты столь холоден к замку, где мы родились, где мы выросли и где умерли наши родители...

– Это лишь груда камней, сестра, – спокойно повторил Стамиаль, поднимаясь на ноги и подходя к ней. Он ткнул пальцем ей в лоб и с ухмылкой произнес: – Память о родителях тут, и в нашем сердце. А замок... Как я и говорил, это лишь груда холодных, серых камней.

– Кроме замка мы лишились наших земель, наших крестьян.

– Прекрати, Сантэль. Мы найдем другие земли, а после получим весь Элеан. А вместе с ним и новых подданных.

Сантэль вздохнула, закрывая глаза. Слова брата ранили не хуже остро наточенной стали. Эльфийка буквально задохнулась от боли, пронзившей ее тело. Она никак не могла понять, в какой именно момент ошиблась: в тот, когда поверила этому странному человеку, вызывавшему у нее омерзение, и принесшего весть о том, что Кириаль нашел ей молодую замену, чьей судьбы коснулась длань Селеры, или в тот момент, когда позволила брату начать войну против короны, теща свои амбиции? «О чем ты, Сантэль? Даже если бы ты захотела, ты не смогла бы остановить Стамиаля. Ты больше не королева, и он не должен служить тебе и уж тем более слушать твои повеления. Он не послушался бы тебя. Ни за что и никогда. Ведь даже корона на моей голове не заставляла его прислушиваться к моим просьбам и приказам», – с горечью подумала эльфийка, глядя на Стамиаля полными непролитых слез глазами. Она отступила на шаг от брата, чья жестокая ухмылка была по и без того натянутым нервам. Стамиаль не стал мучить сестру и отвернулся, отпуская ее с крючка своего холодного взгляда. Он принялся командовать своими воинами, которые вовремя успели отвести взгляды от ссоры своих господ, и теперь продолжали деловито сворачивать лагерь. Бывшая королева эльфов едва слышно всхлипнула, стараясь сдержать наворачнувшиеся слезы, и отошла к деревьям. Закусив губу, она принялась делать

то, что было ей дозволено – наблюдать за воинами.

Солнце перевалило за полдень, когда они, наконец, тронулись в путь. На Сантэль, ни Стамиаль даже не понимали, куда они направляются и куда этот путь их приведет. Эльфы бежали. Бежали из своей родной земли не разбирая дороги, куда глаза глядят. Сантэль, низложенную королеву Элеана, пугала неизвестность, что поджидала их за каждым поворотом дороги, бегущей в никуда, но она молча ехала рядом с Стамиалем, погрузившись в свои не слишком радужные мысли и опасения. Она, только-только получив собственную волю и право делать то, что ей хочется, вновь вернулась во власть мужчины. Ее брат, несмотря на всю свою показную утонченность в эльфийском обществе и особенно при королевском дворе в Эстрии, на самом деле был очень жесток. Особенно с теми, кто зависел от него. А о том, что его лишившейся короны сестре никто не придет на помощь, никто не предоставит приют и защиту – он знал, и без зазрения совести пользовался этим. Сантэль была уверена, что войну против короны Стамиаль развязал не ради восстановления чести и власти сестры и наказания ее обидчиков, как он ей рассказывал. Нет. Низложение Сантэль стало для него хорошим поводом побороться за власть в Элеане. Сильный род Гимер Вистаров, поднявшийся по иерархической лестнице эльфов после Лунного переселения из Элина на Пандагирэй, давно метил на трон, но эта мечта всегда была призрачной. Мужчины, конечно, были бы рады надеть на голо-

ву корону, но только продавленный жрецами брак Кириала Второго и дочери их рода Сантэль Гимер Вистар открыл широкие перспективы и, как им казалось, начал превращать мечты в реальность. Именно так они думали тогда, именно поэтому воспользовались моментом и развязали войну против короны. И закономерно проиграли...

Возвышение Гимер Вистаров началось через тысячелетие после Лунного переселения эльфов на Пандагирэй и основания великого королевства Элеан, в тот самый момент, когда ослабели древние старшие рода эльфов, пришедшие из легендарного Элина. Ослабленные опасным, изнуряющим путешествием в неизвестность, в благополучное завершение которого почти никто не верил, их предки старались сохранить уклад, установленный в их обществе на далекой родине и шлифовавшийся многие тысячелетия. Тогда им казалось, что дикие, необитаемые просторы Пандагирэя опасны, и им следует как можно плотнее прижаться друг к другу, чтобы преодолеть первые годы строительства Элеана. Поэтому вперед выступили младшие, сильные рода, отправившиеся в столь опасное путешествие, а древние, но ослабевшие от нехватки свежей крови вполне могли потерять свою власть над немногочисленными переселенцами, в том числе и королевскую корону. Она того и гляди уплыла бы от старой династии в более сильные и крепкие руки. И вот тогда в круг приближенных к короне и власти допустили младшие рода, такие как Гимер Вистар. Старшие, древние рода захотели по-

лучить новую кровь, и допустили их в свой четко очерченный круг ради их дочерей. Но те, кого столько лет считали младшими, не стали довольствоваться статусом поставщика невест сильным мира сего и за пару тысячелетий уже мало кто недооценивал агрессивную молодую поросль, рвавшуюся к солнцу. Сантэль вздохнула. Она по сути стала жертвой этой извечной борьбы старших и младших родов. Стала орудием в руках своего брата, грезившего о престоле и власти над королевством эльфов. И его не тревожило, сколько жизней ему потребуется, чтобы выстлать к этому дорогу.

– О чем ты думаешь? – насмешливый голос Стамиаля словно отряд конников ворвался в ее мысли, сметая все на своем пути.

– Скоро предстоит останавливаться на ночь, – ушла от ответа Сантэль. – Мы не сможем разбить лагерь в лесу, только не теперь, когда мы стали загоняемой дичью. Кириаль уже предпринял усилия, чтобы превратить нас в жертв, в этом я не сомневаюсь. И я не уверена, что наши же союзники не продадут нас Кириалю с потрохами. Цена за наши головы высока. Мы не можем остановиться и на постоялом дворе. Хозяин тут же продаст нас ищейкам Кириаля. Сложный вопрос, ответ на который я никак не могу найти.

– Не пытайся меня запутать, сестра, – ухмылка Стамиаля заставила ее поморщиться, как от боли. – Твои глаза говорят за тебя. Ты знала, что когда пытаешься обмануть, твой взгляд стекленеет и смотрит в одну точку, ты словно никого

не видишь, смотришь сквозь? Так вот, сейчас ты пытаешься мне солгать. Так, о чем ты задумалась?

– О том, что мы играем в прятки со смертью, Стамиаль, – со вздохом ответила Сантэль, сдаваясь. – Мы пошли против слишком могущественных для нас сил. Скайтерали древний, великий род, младшая ветвь королевской династии Элина. Как и старшие рода Элеана они тысячелетиями копили силы и власть, а что мы? Наш род не так силен, как тебе хотелось бы думать, брат. Кириаль женился на мне лишь потому, что руки ему выкрутили жрецы. Они потребовали от короля жениться на выбранной богами невесте, каковой ими была объявлена я. Жрецы падки на золото, а наш отец мечтал о короне для своего отпрыска, пусть это и ничтожная женщина. Если бы не жрецы, Кириаль не посмотрел бы в мою сторону, даже под страхом казни. Лишь потеря всей страны и повиновения подданных смогла его заставить принять меня.

– Отец был прав, – нахмурился Стамиаль. – Мы достойны короны больше, чем Скайтерали, сестра. Пусть они и правили нами долгие тысячелетия. Пусть их предки и правили Элином вечность. Это не делает их неприкосновенными потомками богов. Короне нужна молодая, сильная кровь.

– Они и не называют себя богами. Только власти и сил у них почти столько же, – Сантэль на мгновение запнулась, но потом взяла себя в руки и тихим голосом продолжила. – Столько же, сколько и у самих богов. Они культивировали

силу своей магии веками, они отбирали дочерей магически сильных родов, чтобы эта кровь сделала их потомков еще сильнее. Им отвечают на молитвы боги. Ты знал, что по легенде, на заре времен, когда Элин только рос, только набирал силу, наследник королевской династии стал избранныком Сирты, богини небес? Той, что принадлежит к старшим богам. И что она родила ему сына. В их жилах течет кровь богов. Да, и нас, эльфов, я могу сравнить с богами. Есть старшие боги и есть младшие. Мы с тобой в пантеоне младших, а Кириаль... Кириаль в пантеоне старших.

– И что с того? – но голос Стамиаля уже был не столь уверенным.

– А то, что сила крови не определяется ее молодостью и множеством вариантов брачных союзов, брат... Сила крови сродни мудрости, которая приобретается с годами, прожитыми на свете. Именно потому сейчас мы вступили в игру со смертью, брат. Неминуемой смертью, у которой нельзя выиграть, она все равно получит свое.

– Меня это не пугает, – усмехнулся Стамиаль. – Ты прекрасно знаешь, что меня и отца бесили и наши законы, и старшие рода. Меня злит то, что они получают все исключительно потому, что древнее. Нет, у них нет сил, земель, воинов столько, сколько есть у нас, но они древнее, ведут свое начало от рождения Элина, а то и раньше, и потому получают все. Власть, деньги, привилегии. Мы же, что бы ни делали, всегда будем на обочине истории с презируемым клей-

мом младшего рода. Хотя у нас есть силы, есть армия, есть деньги и земли, есть магия, желание и возможность править. А знаешь, что меня приводит в бешенство? Не несправедливость такого мироустройства, а то, как снисходительно относятся к нам эти самые старшие. С какой долей пренебрежения и жалости.

– О чем ты? – нахмурилась Сантэль.

– Сразу видно, что ты женщина. А у женщин не бывает гордости, сестра. Потому они так легко уходят из рода родителей в род мужа. Вспомни, как издевательски, с огромной долей снисходительности, Вираты и Магаты убрали из своих родовых имен обозначение старшего рода. Подачку нам сделали. Посчитали, что так они сделают радостно нам.

– Ты не прав, Стамиаль. Они хотели убрать ту пропасть, что была между нами.

– У них не получилось. Ничто не меняется от того, что Аминирах В'ират, стал Аминирах Виратом. Ничего. Это лишь оскорбило нас, представителей младших родов, чья кровь оказалась сильнее их старой и замшелой. Но им на это плевать, ведь их, по легенде, защищают боги, – последние слова Стамиаль буквально выплевывал, словно они обжигали ему язык.

– Ты не прав, брат. Мы лишь отражение наших богов. Младшим богам никогда не придет в голову оспаривать силу и власть старших. Да и не по силам им это.

– И при этом мы отправились в погоню за одной из сонма

младших богов. Не намек ли это, что пора уступить власть молодой и сильной крови?

– Селера не восстала против отца, она лишь обитала здесь, и бежала из башни, построенной на Пандагирэе. Но против законов они с Серпием не восставали.

Стамиаль задумчиво впился взглядом в гриву своей лошади. Слова сестры каленым железом жгли его разум. Наверное, именно так чувствовали себя преступники, которым по приговору вливали в горло расплавленный металл. Горло нещадно жгло от злости и гнева. «Если Сантэль права, у меня нет ни единого шанса на то, чтобы заполучить корону. Даже если все младшие рода присоединятся к нам. Идти против воли богов – это все равно что подписать себе смертный приговор», – Стамиаль тряхнул головой. Он не собирался сдаваться, и тем более разделять упаднические мысли своей сестры. Сантэль готова была сдаться на милость Кириала и богов, вымаливая прощение, ползая на коленях, но не он, Стамиаль.

– Рысь! – раскатисто скомандовал эльф.

Воины с облегчением вздохнули, поднимая коней в резвую рысь. Копыта лошадей гулко застучали по утопанной лесной дороге, унося своих всадников прочь от их родины. Деревья печально зашумели, словно оплакивая изгнанников, ступивших на этот сложный путь. Стамиалю показалось что он услышал всхлип Сантэль.

*Четвертый месяц весны стакар. Двадцатый день
месяца.*

144 год от рождения империи

Капитан королевской гвардии Элеана Лииталь Камий В'астер поморщился. В голове раздался настойчивый зуд магической связи. Кто-то упорно пытался пробиться через его безразличие. Лииталь знал того, кто его вызывал, осознавал он и свои перспективы, ведь он уже несколько месяцев игнорировал запросы своего командира Мариаля Сдариль М'аарела, а значит, самого короля Элеана Кириаля Второго. Капитан поднял взгляд к удивительному бирюзовому небу, на котором не было ни единого облачка, и поежился. Он хотел бы сказать, что от утренней прохлады, спустившейся с гор Сал, но вынужденно признавался себе, что от страха. Скользкого, липкого страха, что заползал в его душу всякий раз, когда он слышал этот дребезжащий звук, настойчиво звучащий в его голове.

Скрипнула дверь, заставив Лииталья поморщиться. Тонкое эльфийское ухо никак не могло смириться с этим ужасным звуком, но и избавиться от него было не суждено. Небольшая крепость на границе с Тарентой обветшала. Несколько десятилетий назад ее забросили, отдав на растер-

зание воронам, ветрам и дождям, которые попытались уничтожить крепость. Но она не сдалась, что обрадовало Лииталья.

Эльфы в меру своих сил подлатали крепостную стену, укрепив ее мощной магией, которая стоила Лииталю неделю жизни. С жилой башней дела обстояли хуже. Ее каменные стены приобрели крепость и надежность новых. Серые, крупные камни защищали жильцов от пронизывающе-холодных ветров, которые были в крепости частыми гостями. Замерзнуть им не позволил большой камин, который прогревал стены, заговоренные неизвестным магом, и создавал внутри приятный телу климат. Они мысленно поблагодарили неизвестного мага, ведь его заклинание значительно облегчило их жизнь, когда на каменный двор крепости упали первые снежинки, быстро создавшие высокие непроходимые сугробы. Единственной проблемой оставалась еда, которой не хватало. Лииталь хотел купить нескольких рабов, чтобы они устроили маленький огород в задней части крепости, но их просто негде было приобрести. Потому припасы покупались в нескольких деревнях поблизости. Но Лииталь не отбросил свою идею. Он продолжал искать рабов, надеясь найти хотя бы одну рабыню.

В его голове опять раздалось настойчивое дребезжание: Мариаль желал поговорить с ним. Лииталь поднял взгляд и посмотрел на окно, где заметил силуэт рыжеволосой женщины. «Я должен продержаться еще какое-то время. Ей

нельзя ни в Элеан, ни в Мирэй. Я мужчина и воин, мне должно выдержать», – подумал Лииталь, отводя взгляд от башни и продолжая игнорировать дребезжание.

Глава четвертая

*Четвертый месяц весны стакар. Двадцатый
второй день месяца.*

144 год от рождения империи

Парки, разбитые аристократами и торговцами, жившими в Арисе, утопали в цветах. Природа не оглядывалась на тревоги и беды людей, продолжая жить по установившемуся циклу. Воздух заполняли ароматы всех оттенков, от терпких до приторно сладких, надолго впитывавшихся в одежду и кожу городских стражников и охраняющих дворец гвардейцев, придворных и прислуги императора. Покидая Арис, они еще долго благоухали, как девица, только-только покинувшая ванну.

С момента коронации нового императора ограды и ворота были буквально облеплены горожанами, как виноградными лозами. Каждый надеялся увидеть правителя и прикоснуться к его божественной удаче. Простой люд до сих пор свято верил в то, что император может привлечь удачу и милость богов. Каждый вечер Маэль Первый присутствовал на вечерних ритуалах в общем храме пяти богов, которым молилась империя, и собственноручно зажигал жертвенный огонь на алтаре, отправляя туда жертвенные семена. Люди верили, что это пламя защитит их, показав богам, что Мирэй все еще

верит в них, молится им, следует за ними. Но боги молчали. Лишь однажды они подали людям знак: пламя в жертвеннике стало черным. Жрецы нахмурились, а простые молящиеся испуганно ахнули. В толпе поползли первые, робкие мысли о том, чтобы принести в жертву кровь. Кто-то громким шепотом предложил пролить кровь недостойной Манисар Воста, ведь именно она нарушила божественные законы.

Страх овладевал душами людей. Никто не знал, как следует трактовать этот мрачный знак богов. Даже жрецы пребывали в растерянности, изумленно впившись взглядами в языки огня, отливавшего глубоким черным. На лице императора Маэля не дрогнул ни один мускул, он невозмутимо зачерпнул чашей жертвенного вина и плеснул его в огонь. Пламя протестующе зашипело, но приняло кроваво-красную жидкость, жадно поглощая ее. Черные отблески перестали плясать по статуям богов, сменившись сначала бирюзовыми, перетекшими в багрово-красный, а затем привычными оранжево-желтыми, которые стали рассыпать вокруг золотой блеск. Статуи богов жизнерадостно заискрились, в этих переливах света, казалось, что они ожили, и Ута с Уйей закружились в соблазнительном танце, а боги-мужчины одобрительно наблюдали за этим, принимая дар своих женщин и Маэля.

Когда церемония закончилась, люди еще долго не спешили расходиться по домам, застыв словно мраморные изваяния под гулкими сводами храма. Каждый пытался понять,

что именно пытались сказать им боги: императору, империи, всем ее жителям и каждому подданному в отдельности. Маэль не пытался разобраться в божественных играх, он понимал, что порой все эти знаки ничего не значат, как и милость богов. Она столь мимолетна, что порой одаряемый ею и понять не успевал, что его одарили сей милостью. Император помнил, чем обернулась милость эльфийской Селеры для Кайи. Богиня показала свой лик и забыла о своей возлюбленной названной дочери. И теперь любая мысль о прекрасной рыжеволосой девушке причиняла императору нестерпимую боль, словно кто-то вонзал ему в сердце длинную и острую иглу. Он каждый день давал себе обещание, что, покончив с войной внутри империи, он сотрет с лица Селерана Таренту, посмевавшую отобрать у него возлюбленную, и вернет себе Кайю. Но дни шли, а имперская армия даже не выступила в поход для освобождения захваченных городов. И это не от нежелания. Они до сих пор не знали, где прячется старый змей Дарьенал Воста и даже не догадывались, кто стал союзником Веллы в этой войне, стоившей империи уже столь много.

Маэль постепенно, день за днем, мрачнел. В его взгляде то и дело мелькала черная всепоглощающая ненависть, сменявшаяся отблесками боевого безумия, которое начало струиться по его венам. В такие моменты император сильно пугал даже своего деда. Лоэналь искренне надеялся, что его внука не постигнет участь безумца, которую вер-

ховный жрец империи однажды напророчил всем потомкам брата и сестры, ставших супругами. Эльф прекрасно знал, что кровь древнейшего народа Селерана поможет Маэлю сдержать безумие и даже победить его, но все же он надеялся, что они смогут как можно быстрее вернуть ему возлюбленную. Отец Маэля, почивший император Маглор, не осознавал в своей глупости, какую бездну он открывает, пойдя на поводу у своего главы Имперского совета в его желании породниться с императорской семьей. И дело было не в том, что Манисар Воста не годилась в супруги наследнику империи из рода ар Вариар, и не в том, что аристократия Мирэй почувствовала себя смертельно оскорбленной, когда рыбачка по крови стала частью императорского рода, нет. Не это изменило Маэля. Все дело было в нем самом, смирившимся тогда с потерей любимой женщины, но готовым утопить в крови любого, кто сейчас попробует встать между ним и Кайей анэ Къель да Скалэй. Маглор забыл, что ар Вариары умели безумно любить и так же беззаветно ненавидеть.

– Вы проверили горную крепость, где, возможно, скрывается предатель империи Воста? – в голосе Маэля, заполнившим небольшой зал, где последнее время проходил Совет, звучали отголоски той ненависти, которую император испытывал к этому убийце Мирэй.

– Да, ваше величество, – ответ Линарта был почти молниеносным. Казалось, что Великий полководец ожидал этого вопроса.

Каждый сейчас понимал, что ненависть, которой сочился голос Маэля, в любой момент может превратиться в ярость, способную убить любого, невзирая на его статус и отношение к нему. Император сейчас готов был расправиться даже с друзьями, не говоря уже о верных подданных. Каждый из присутствовавших замечал, что в это состояние император впадал все чаще. Причина была проста, но глубока. Израненное сердце Маэля. Он хотел вернуть в столицу мать и возлюбленную, которой предстояло надеть на себя корону императрицы, но не мог. Не мог этого сделать, пока не избавит Мирэй от захватчиков, захвативших ее жителей и земли, и пока не изловит предателя короны, недостойного Дарьенала Восту и не предаст его смерти. И все это заставляло его чувствовать себя беспомощным, как ребенок, и это чувство ему сильно не нравилось. Все видели, что Маэль старается держать в узде свои эмоции, но никто не знал, чего ему это стоит и надолго ли его хватит. Линарт был уверен, что как только ненависть возьмет верх над разумом, император самолично придушит Манисар Восту, которую справедливо полагал первопричиной своих бед.

– И что с этой крепостью? – Маэль нетерпеливо пробарабанил пальцами по столу, впившись потемневшим взглядом в Линарта.

– Восты там нет, но он мог еще до нее не доехать, потому мы разместили засады в горах. Как только появится на горизонте, его тут же схватят, – отчеканил тот.

– Хорошо. Если Воста не явится в крепость в течение лета, я буду вынужден казнить его дочь.

– Возможно стоит сохранить ей жизнь, ваше величество?

– Какой мне прок с этой наглой и глупой девки? – Маэль выгнул бровь, а на его губах заиграла легкая улыбка, которая не обещала ничего хорошего той, что возомнила себя наследной принцессой. – Ее кормежка стоит денег, как и охрана.

– Возможно, что ее благодарность станет для нас выгодной на какое-то время.

– Благодарность? А знает ли эта стерва, что такое быть благодарной? – безжалостно поинтересовался Маэль.

– Любое живое существо способно на благодарность, ваше величество. Даже если оно не может сказать об этом словами, оно найдет, как выразить это чувство иначе. Тот, кто никогда не испытывает и не выражает благодарности... А, живое ли это существо? – голос Линарта звучал спокойно, даже менторски.

– В том-то и дело, я сомневаюсь, что она живое существо, обладающее душой. Хотя... Возможно, ты и прав, Линарт. Однако, когда все закончится, она отправится в дальнюю горную крепость – доживать свой век. Возможно, что и в ту, которую прикупил ее отец. Вот такая ирония судьбы будет, – усмехнулся Маэль. – Без прислуги и нянек.

– Эльфы были бы еще более жестоки с ней, – вклинился в разговор Лоэналь.

– Более жестоки?

– Да. Ее бы сделали бесправной служанкой императрицы. Служить той, чей титул ты желала... – голос Лоэналя прозвучал равнодушно.

– Служанка императрицы – не так уж и жестоко. Это уже довольно высокая должность, – задумчиво произнес Линарт.

– Не всякая служанка. Во дворце есть много дел, которые делать непочетно. От таких слуг люди шарахаются на улице. Например, убирать отхожее место. А если еще и в рабском ошейнике...

– Хорошо. Я подумаю над этим позже, – закончил дискуссию Маэль, заметив, что Линарт собирается возразить главе Имперского совета. – Могу сказать только одно. Наказание не будет жестоким, оно будет справедливым, дабы мои подданные знали, что любое преступление будет наказано, но император не опустится до глупой и бессмысленной мести своим врагам.

– Рад это слышать, ваше величество, – кивнул Лоэналь, пряча улыбку.

В этот момент скрипнула дверь и в зал вошел командующий императорской гвардией Элер ан Кьель да Скалэй. Вид у него был смущенный, словно гвардеец пытался найти потерянного себя. Командующий рассеянно подошел к столу, и даже не обратил внимания на то, как отступил на шаг личный телохранитель императора камбриец Лун, позволяя ему сесть на стул рядом с Маэлем. Император посмотрел на Эле-

ра внимательным взглядом и усмехнулся.

– Что с вашими сапогами, командующий? – в голосе правителя слышался искрящийся смех.

– Что?

Элер рассеянно, словно пребывал в своих мечтах, опустил взгляд на свою обувь, которую теперь заметили и остальные. Ее состояние вызвало у советников открытые улыбки. Тонко выделанная кожа голенищ свисала клочьями, словно кто-то усердно резал ее ножом, а на носках виднелись круглые дыры.

– Ах, вы об этом, – смутился направленных на него взглядов Элер, и быстро спрятал ноги под стул. – Как оказалось, у меня все сапоги пришли в негодность. Я потому и опоздал на заседание Совета, что искал целую пару. Увы. Не нашел. Теперь мне придется отправить кого-нибудь в город и заказать новую обувь.

– Но что вы с ними делали, командующий? – воскликнул Великий дипломат. – Судя по их виду, упражнялись в метании ножей.

– Я? Ах, да... Я даже не знаю, – на лице Элера появилась виноватая, слегка смущенная улыбка. – Просто носил.

– Ладно, Элер, давай рассказывай! Не томи нас! – воскликнул Линарт, хлопнув себя по бедру ладонью.

– Так нечего рассказывать, Великий полководец, – командующий гвардией пожал плечами.

– Так уж и нечего? – лукаво прищурился Великий пол-

ководец. – То есть я должен поверить, что это ты ночью берешь кинжал и принимаешься резать свои сапоги на фестоны? Наверное, от скуки, или от того, что не можешь наказать плетьюми сынка-идиота какого-нибудь аристократического семейства, которого занесло в гвардию. Хотя нет, твой род знатнее большинства тех, что служат под твоим началом. Тогда ты должен ему денег, а потому не можешь отрихтовать ему лицо.

– Очень смешно, Линарт, – огрызнулся Элер.

– Так что все же произошло? Почему у командующего моей гвардией сапоги в столь непотребном виде? – вступил в их разговор император.

– Зайка, ваше величество, – со вздохом сдался Элер, опуская глаза.

– Зайка? – непонимающе моргнул Маэль.

– Да, ваше величество. Зайка.

Он больше не произнес не слова, лишь потупился, то и дело вздыхая, словно это слово стало страшным признанием в его некомпетентности, которая может повлечь его увольнение из гвардии. Маэль какое-то время непонимающе смотрел на Элера и моргал, пытаясь осознать, что же тот хотел ему сказать. Наконец император все понял и вскрикнул:

– Ах, Зайка! Леопард моей матушки?

– Да, ваше величество, – вновь обреченно вздохнул Элер – Это он. Когда ее величество отправляли в несправедливую ссылку, Зайка исчез, а через несколько дней пришел во дво-

рец весь исхудавший и испуганный, казалось, что это была его собственная тень. Я его взял и спрятал в своих покоях. Ну не мог я бросить любимца ее величества умирать от голода в дворцовых коридорах, где бродил ненавидящий его предатель Воста. Или того хуже, его могли убить наемники Восты, эти не остановились бы ни перед чем в надежде доставить удовольствие своему хозяину. Для меня это было бы не меньшим ударом, чем для ее величества. Потому я спрятал Зайку... А мои сапоги он всегда сильно любил. Спросите у ее величества, сколько пар я сменил, пока был ее лейтенантом.

– Ты настоящий друг, Элер. Думаю, матушка оценит этот поступок, когда вернется в столицу.

– Ваше величество, мне не нужно, чтобы спасение Зайки оценивали. Я банально люблю этого кота, не меньше, чем он мои сапоги, и не мог его бросить.

– Он, похоже, тоже к тебе неравнодушен, – усмехнулся Линарт.

– Но почему вы его не выпустили, когда вернулся его величество, командующий? – Лоэналь с особым интересом смотрел на гвардейца, понимая, что перед ним один из немногих людей, которым суждено стать столпами обновленной империи Мирэй. Даже если небо упадет на Селеран – Элер не предаст Маэля и будет верен ему до самого конца.

– Даже не знаю, главный советник, – Элер пожал плечами. – Наверное, забыл. Привык я к нему.

– Вот ваша забывчивость и обернулась потерей всех пар обуви, – рассмеялся эльф.

– Наверное.

Элер тоже рассмеялся, понимая, что Лоэналь прав. Была и его вина в том, что ему не в чем выходить на службу. А того и гляди он и вовсе будет вынужден ходить по дворцу босиком.

– Я немедленно выпущу кота, а затем отправлюсь за новыми сапогами. Думаю, у сапожных дел мастера уже есть пара обуви для меня, ибо он помнит, сколько их мне требовалось, когда я служил ее величеству.

– Так у поедания ваших сапог давняя история, – хмыкнул Великий флотоводец Дэннэйт ан

Эгат.

– Очень давняя, – улыбнулся Элер.

Лоэналь был благодарен этому гвардейцу, который своим появлением разрядил царившее до этого в зале совета предчувствие надвигающейся грозы. Казалось, еще мгновение – и загрохочет гром, засверкают молнии, а теперь советники откровенно улыбались, представляя большого пятнистого кота, с упоением грызущего сапоги командующего императорской гвардией. Ушла звеневшая в воздухе ненависть, ушла она и из взгляда Маэля. Император теперь смотрел тепло и с улыбкой, явно без привычной боли вспоминая свою матушку, которая ждала момента, когда можно будет вернуться в Арис и обнять сына. Лоэналь уже не считал

идею тащить Эмрию через половину империи в столицу такой безумной. Мудрая и теплая в своей доброте императрица мгла сдержать безумие, шаг за шагом захватывающее ее сына, не позволяя ему вырваться наружу. Лоэналь вздохнул, мысленно проклиная Восту за его глупость и жадность.

– Что ж... – прервал общее веселье Лоэналь. – Нам следует обсудить целый ряд государственных вопросов, многие из которых относятся к безопасности.

– Есть какие-то новые сведения? – мгновенно посерьезнел Маэль.

– Пока лишь то, что Великий шпион начал заново выстраивать свою сеть, которую значительно потрепал Воста. В скором времени мы получим достоверные сведения о наших врагах. А значит, сможем ударить наверняка, в самое сердце, – голос Лоэналя звучал спокойно, и от этого более зловеще.

– Я рад тому, что ат Елар вернулся на службу империи, – кивнул император.

– Он с нее и не уходил, ваше величество, – усмехнулся Лоэналь. – Он всегда служил империи, даже когда империя предала его.

– Глава Совета, могу ли я спросить? – Великий флотоводец посмотрел на Лоэналя прямым взглядом.

– Конечно, – милостиво разрешил эльф.

– Скажите, а почему мы не можем использовать магических разведчиков для выяснения всех сведений о наших вра-

гах?

– Это законы магии, Великий флотоводец, – голос Лоэналя звучал спокойно, напоминая журчащий ручей, словно он рассказывал ученику о каких-то всем известных вещах, которые тот почему-то не знал. – Любая мощная сила ограничена законами ее использования, которые не дают могуществу попасть в неумелые, или того хуже, глупые и жадные до власти руки. Представьте, что было бы, если у Восты была бы могущественная магия эльфов... Потому у всего есть законы. У вас есть законы мореплавания, у нас есть законы магии. Что касается разведчика, он позволяет увидеть количество войск, куда они направляются, но не передает разговоров и не показывает того, что происходит в домах или палатках. К тому же, чем дальше от мага птица-разведчик, тем больше сил он отдает для ее удержания. Магические шпионы не помогут нам узнать, кто союзники Серых.

– Что же тогда делать? – спросил Дэннэйт.

– Ждать, когда Варен сделает свою работу. Я уверен, что его шпионы быстро выяснят, кто стоит за черными знаменами. Или поймать живого пленника.

– Хуже нет того, чтобы ждать, – проворчал Линарт.

– Что у нас с Иридом? – поинтересовался император, игнорируя ворчание друга детства.

– Вернулся лимринг, отправленный туда. Город под властью короны, насколько это возможно. Но, что происходит в главном замке – неизвестно, – ответил Лоэналь. – Боюсь,

там безраздельно правит Анисса, а что она творит, никто не знает. Ирид сообщает, что герцогство готовится выкурить герцогиню из ее гнезда и потребовать предьявить герцога Этана. Но бароны никак не могут договориться между собой.

– Надо выяснить, что происходит в замке. Всенепременно выяснить, прежде чем я отправлю мину Даминитри и отряд гвардии арестовать герцогиню Аниссу, – Маэль даже кивнул для убедительности.

– Думаю, эту задачу следует поручить Великому шпиону империи, – предложил Линарт.

– Так и поступим. Глава Совета, подготовьте приказ для главы Тайной службы империи, лимринг должен улететь до заката. На этом пока все. Я бы хотел отдохнуть с вашего дозволения и съесть хотя бы краюху хлеба за день.

Маэль поднялся и быстрым шагом покинул зал, где заседал Имперский совет. За ним спешил Элер, мысленно костеря Зайку, из-за которого командующий то и дело запинался в собственных ногах. Тем не менее, к ужасу Элера император не пошел в свои покои, а направился туда, где жили офицеры его гвардии. Он уверенно подошел к двери, ведущей в покои командующего. Впрочем, перепутать ее с какой-либо другой он не мог. Из-за двери раздавалось громкое, упительное мяуканье, прерываемое громким грохотом роняемой мебели: похоже, Зайка почувствовал знакомый запах. Маэль толкнул дверь, и в следующее мгновение упал на пол, сбитый с ног радостно урчащим леопардом. Огромный кот

терся о сына своей любимой хозяйки с каким-то особым упоением. А сам Маэль радостно смеялся, обнимая Зайку. Испугавшиеся было слуги в следующее мгновение расплылись в счастливых улыбках. Из дворца постепенно уходило состояние тихого страха, поселившегося в душах его обитателей, хотя они были еще на пороге трудных времен.

*Четвертый месяц весны стакар. Двадцатый
четвертый день месяца.*

144 год от рождения империи

Варлиаль Аминирах Вират прохаживался вдоль цепочки стоявших на коленях пленных, словно не замечая их. Он смертельно устал, пока гнался за этим отрядом особенно удачливых представителей восставших младших родов, считавших, что они набрали достаточно сил, чтобы отодвинуть с вершины старших. Только хору назад один их них, стоявших на коленях с покорно опущенными головами, выплевывал в лицо Варлиалю обвинения в том, что их кровь покрылась мхом, и пора дать дорогу потомкам младших богов. Хотя никто из них и не мог быть их потомком. Командующий эльфийской армией вновь прошелся вдоль вереницы коленапоклоненных мятежников.

– Что же вы молчите? – голос Варлиалья звучал издеватель-

ски ласково. – Что же никто из вас не поднимется и не докажет мне, насколько замшела моя кровь?

Пленники молчали. Они опустили взгляды долу, и старались даже не дышать, когда облаченный в добротные доспехи из лурсора командующий проходил мимо.

– Молчите... Ну, хорошо. Вы и должны молчать, когда с вами говорит представитель старшего рода. Молчать и вникать ему.

Кто-то из пленников вскинул голову и усмехнулся.

– Чему ты улыбаешься? – Варлиаль резко развернулся на этот звук.

Ответом ему было молчание, но его разум ожег насмешливый ответ: «Старшая кровь... Любитель человеческих самок». Автора этой мысли найти было несложно, потому ухмыляющееся лицо наглого юнца тут же встретилось с закованной в латную перчатку рукой Варлиаля. Полетели веером капли рубиново-красной крови, молодой эльф схватился за покрасневшую щеку и завыл. Говорить он не мог, ведь челюсть была буквально раздроблена мощным ударом командующего королевской армией.

– Кто еще хочет обсудить мои пристрастия? – голос Варлиаля был спокоен, отчего пленники вздрогнули. – Никто? Прекрасно. Тогда я задам другой вопрос: где ваш хозяин?

– У нас нет хозяина, – обиженный тон говорившего говорил о том, что именно это слово прервало их молчание.

– Тогда кто же у вас есть? – Варлиаль насмешливо выгнул

левую бровь.

– Командир и предводитель.

– Тогда спрошу еще раз: где ваш предводитель?

– Нигде.

– Прекрасно. Тогда вы не оставляете мне иного выбора, кроме как выяснить, насколько предводитель дорожит вами. Думаете, я не знаю, что он прячется в этом лесу? Знаю, – Варлиаль наслаждался страхом, который появился в их глазах. – Вот и заставим этого зайца выйти на свет.

Командующий кивнул и вперед выступили его воины.

– Убивайте пленников до тех пор, пока этот трус не выползет из своего убежища. Ты меня слышал, Гимер Вистар? У тебя не так много времени, чтобы выйти к нам!

Варлиаль подождал несколько мгновений, но ответа не последовало.

– Не выходите, господин! Наши жизни ничто! – крикнул кто-то из пленников, вызвав у командующего холодную улыбку.

– Не выходи. Конечно же, не выходи... – его ледяной, ровный тон пугал не меньше улыбки. – Приступайте. И не беспокоить меня, пока этот заяц не выползет из леса на пузе.

Варлиаль направился к себе в шатер, который уже успели разбить на широком, ровном поле, примыкавшем к густому лесу, его рабы. Знамя Аминирах Виратов гордо полоскалось на ветру. Демонстрируя любому, кто посмеет даже подумать иное, кто здесь хозяин. Он позволил рабам снимать с себя

доспехи, а сам встал перед матово-черным зеркалом, которое привезли из его замка. Такое было у каждого эльфийского рода. Варлиаль дождался, когда с него снимут перчатки, взял кинжал и уколол себе кончик пальца, дождался, когда выступит капля крови и коснулся им черной поверхности.

– Лоэналь! – позвал он, когда поверхность пошла рябью.

На долгое время воцарилась тишина. Рабы успели разоблачить его и подать вино. Потому, когда в масляно-черной глубине появился Лоэналь, его отец уже сидел в удобном походном кресле и пил вино.

– Благородный отец?

– Да, это я, Лоэналь. Что-то ты не торопился отвечать на мой призыв, сын, – насмешливо ответил Варлиаль. – Или забыл, что у тебя есть отец?

– Что вы, благородный отец. Я ответил, как только услышал ваш зов, – нашелся Лоэналь.

– Где твоя сестра?

– Не знаю, благородный отец. Театлин давно вышла из моей власти.

– Жаль, что ты выпустил вожжи. При желании твоя сестра способна уничтожить мир, – усмехнулся Варлиаль.

– Она этого не сделает, благородный отец. Давно переросла такие глупости, – Лоэналь улыбнулся, но тут же посерьезнел. – Зачем ты звал меня, благородный отец?

– У меня к тебе просьба, Лоэналь.

– Просьба? – услышав это слово, Лоэналь опешил. – Это

звучит очень странно.

– Да, просьба, сын. Вернее, это просьба короля.

– Я исполню твою просьбу, – Лоэналь поклонился.

Варлиаль поставил бокал на столик, поморщившись от криков, доносившихся снаружи.

– Король попросил меня, чтобы ты приглядел за его сыном. Наследный принц Скааль отправился в Мирэй.

– Что? У нас война, благородный отец. Что здесь делать королевскому отпрыску? Мне будет некогда им заниматься его сыном.

– Постарайся, Лоэналь. Его высочество уже отправился в Арис. Хорошо послужи ему, Лоэналь.

– Вы добавили мне проблем, благородный отец, но я выполню вашу просьбу, чего бы это ни стоило.

– Не сильно опекай принца, сын, пусть прочувствует жизнь.

– Да, благородный отец, я все сделаю, как вы желаете. Что-то еще.

– Передавай Театлин, что отец ее любит.

С этими словами Варлиаль коснулся черной поверхности, прерывая связь с сыном. На плечи его навалилась усталость, все же такие разговоры отбирали слишком много жизни, но он не жалел о том. Увидеть сына было приятно, ведь никто не знает, когда он сможет сделать это в следующий раз. «Когда вся эта чехарда закончится, я обязательно отправлюсь в Мирэй и навещу своих детей», – в который раз

пообещал себе эльф, понимая, что шансов сдержать это обещание не так и много.

Четвертый месяц весны стакар. Двадцатый пятый день месяца.

144 год от рождения империи

Старый военный тракт боевой стрелой устремился в сторону столицы империи Мирэй, лишь иногда огибая холмы, а чаще взбираясь на них, замирал на вершине, словно оглядывая живописные окрестности, и бежал вниз, увлекая за собой путника. Тысячи людских и лошадиных ног отбивали шаги по еще крепким булыжникам, которыми была вымощена дорога. Четыре лохоса – один конный и три пехотных – бодро проходили лигу за лигой в сторону Ариса. Они были на марше уже несколько дней, останавливаясь лишь на несколько хор в любом удобном для этого месте, и тогда ночную тьму расцвечивали огни тысяч костров, на которых воины разогревали незамысловатую походную пищу. Они не возводили лагерей, ведь каждому воину хватало сил лишь на то, чтобы съесть свою пайку и упасть на брошенные на землю плащи. Они уверенно шагали в столицу по приказу императора.

Старый военный тракт бежал по побережью, то осыпаясь

в бушующие волны океана, то теряясь в зарослях кустов, что захватили его за эти сто лет, стараясь отвоевать у человека свои владения. Тогда несколько вооруженных топорами рабов вырубали этого захватчика, расчищая дорогу армии, спешившей в столицу. Солнце медленно ползло по ярко-голубому небу, украшенному белыми барашками облаков, плывущим по бездонной голубизне, отражавшейся в лазурных водах моря. Они то и дело наползали на яркий оранжевый диск, но их сил не хватало на то, чтобы скрыть его лик, погрузив мир в тень. Теплый ветер то и дело налетал на бодро марширующих по тракту мужчин, но они не обращали на это внимания. На их лицах застыли маски решительности, которую так и не смогла стереть подкрадывавшаяся усталость. Казалось, осознание того, что их ожидает важная война, придавало им сил.

За длинной стальной змеей войск, сверкавшей опасным хищником на солнце, тянулись телеги обоза, влекомые огромными волами. Лохат конников усмехался, всякий раз, когда его взгляд падал на огромных, неповоротливых животных, чья медленная поступь первое время вызывала у него раздражение. Он понимал, что волы спасут их, если армия неожиданно начнет испытывать трудности с продовольствием. Грабить окрестные деревни им было строго-настрого запрещено.

– Медленно... Слишком медленно. Нам следует прибавить темп, ихоры, – произнес еще один лохат, командовав-

ший пехотным двадцать третьим черного скайлара лохосом Старэт ам Радис Вартар. – Иначе мы не доберемся до столицы и к зиме.

– Увы, – покачал головой лохат двадцать пятого конного лохоса золотого пегаса Лар ат Мрис Кларин. – Волы не могут идти быстрее.

– Главное, чтобы мы не опоздали выполнить приказ, лохат, – Старэт устало вытер пот, ручейками стекавший шее и, прищурившись, посмотрел на небо.

Солнце зависло в зените и, казалось, не собиралось покидать небосвод и нещадно заливало военный тракт жаром, который впитывался каждым камнем и жег ноги воинов, раскаляя их доспехи.

– Наш приказ нельзя не выполнить, ихоры, – второй лохат двадцать третьего дохоса Триян ат Кирал Масар нахмурился, услышав такие слова. Он был молод, даже юн, и получил должность через протекцию своего отца, графа Тарилинда, потому не растерял того энтузиазма, что свойственен молодости и вере в силу империи. Его золотые локоны и большие голубые глаза добавляли ему юной наивности и идеализма, которые звучали в его словах. – От этого зависит наша судьба и судьба Мирэй.

– Поймите, второй лохат, – усмехнулся Лар, – судьба империи зависит не от этого, а от того какие решения примут его величество и Совет. А мы... мы лишь инструмент в их руках.

– Только такой инструмент, что может легко уничтожить все, что угодно, на этом свете, – хмыкнул Старэт. – Иногда я поражаюсь возможностям армии.

– И что тебе дает, это восхищение? – усмехнулся Лар.

– Ничего особенного, лишь чувство собственного превосходства над сыновьями аристократов, которые носят лишь парадное оружие.

– Зато один такой кинжал стоит столько же, сколько наше с тобой годовое жалованье.

– И не говори, дружище. С другой стороны, если я начну тратить деньги моей семьи, я могу обвешаться такими кинжалами, как девица бордельная стеклом вместо драгоценных камней. Но кому от этого легко будет, если это не боевые клинки? Нет, я предпочитаю в бою простой, надежный меч, а не ювелирную лавку, – слова Старэта заставили всех рассмеяться.

Они замолчали, позволяя лишь звукам шагов и цокоту копыт нарушать тишину, до того момента, как спустя хору из-за поворота тракта на холм вылетел всадник на взмыленной лошади. Он с силой натянул повод, отчего задние ноги лошади поехали по камням, и она едва не села на круп, словно большая собака. Колонна со скрипом и руганью начала останавливаться, повинувшись знаку своих командиров. Сам всадник, который послужил причиной заминка, пытался отдышаться, но получалось у него это не слишком хорошо. Воздух со свистом вылетал из легких, с большим трудом попа-

дая туда. Воин хватал его открытым ртом, словно это могло помочь, наполнить отдававшие резкой болью в грудь легкие. Его лошадь то и дело всхрапывала, роняя на землю мыло. Она грызла железо у себя во рту и все еще была готова скакать вперед, но всадник жестко сдерживал ее порыв.

– Пятый разъезд... разведка... двадцать пятого... там... в пяти лигах... корабли... разгружают... десант... – наконец, справившись с собой произнес всадник. Слова вылетали со свистом, голос был сиплым, речь всадника была отрывистой.

– Сколько их? – спросил Старэт, подавая сигнал к перестройению в боевые порядки.

– Восемнадцать...

– Восемнадцать воинов?

– Кораблей... Небоевых... Торговых...

– А людей сколько?

– Не считал... Там... двое... из моего... разъезда...

Они... должны... сосчитать...

– Ты хорошо исполнил свой долг. Дайте ему что-нибудь выпить и в обоз – отдыхать. Эльфа ко мне!

По колонне пробежала рябь, словно голос локхата перекачивался по головам воинов. Молодой эльф с некрасивым шрамом через лицо в мгновение ока предстал перед Сарэтом, словно он давно ожидал приказа локхата явиться. Его зеленые, чуть раскосые глаза, смотрели на того с особым вниманием.

– Связь с Лайей.

– Слушаюсь, лохат, – кивнул эльф. – Что передавать?

– В пяти днях пути походным маршем высадка десанта.

Вступаю в бой. Отправьте корабли на патрулирование, возможна атака с моря.

Эльф кивнул. Было видно, как изменилось выражение его лица. Мышцы расслабились, лицо стало похоже на бесстрастную, неживую маску. Эльф смотрел внутрь себя. Его губы зашевелились. Через пару мгновений, выслушав ответ невидимого собеседника, а затем осмысленно посмотрел на лохатов.

– Приказ выполнен. Послание передано. Лайя готовится к обороне. Нам приказано уничтожить десант, – ответил на невысказанный ими вопрос.

– Который мы выполним с превеликим удовольствием, – усмешка Старэта, водружавшего на голову шлем, не оставляла врагам никакой надежды на спасение.

– Какой план? – поинтересовался Лар.

– Там восемнадцать торговцев, – отозвался Старэт. – Сколько они могут увезти? От силы тысяч пять воинов. И то, если их забить под завязку, рискуя утонуть, а значит, нас ждет от трех до четырех тысяч воинов. Больше они не смогут высадить. Уверен, что высадка еще продолжается, потому не все они будут в боевом состоянии. Значит шансы у нас велики. К тому же боги благоволят нам в своей милости.

– Понятно, – кивнул Лар. – Оставляем обоз здесь, на доро-

ге, под охраной небольшого отряда и нападём на них с марша.

– Так и сделаем, – кивнул Старэт.

– Только подойти надо так, чтобы силы остались, – спокойно произнес Триян, глядя в сторону места высадки врага. – Пять лиг не такое уж и маленькое путешествие. А мы итак уже полдня на ногах. К вечеру только доберемся до нужного места. Главное, чтобы силы остались оружие поднять.

– Он прав, – Лар принялся задумчиво тереть нижнюю губу. – Думаю, стоит дать им бой ночью: сжечь корабли, палатки, засыпать стрелами десант, а тех, кто попытается бежать добьют конники.

– План прост, – кивнул Старэт. Дело за малым – воплотим его в жизнь.

Войска зашевелились, выстраиваясь в боевой порядок из походного. Трудно, медленно со скрипом менялись местами обоз и конные воины, бежали к обозу те, кому предстояло защищать телеги с пожитками. По пешей колонне передавались щиты. Лохосы заранее готовились к бою, рассчитывая ударить с марша. Лохаты быстро совещались, пользуясь моментом. Они быстро обговаривали детали плана, который в общих чертах был утвержден всеми старшими офицерами. Но прежде чем воплотить его в жизнь, им предстояло преодолеть пять лиг, разделявших мирэйцев и обнаглевших врагов империи. Сейчас для каждого воина, осененного еди-

норогом, было неважно, кто и почему пришел на его земли, единственным желанием было заставить грызть эту землю зубами, наслаждаясь ее вкусом в последние мгновения подлой вражеской жизни. Они желали этой земли, они ее и получают, в качестве последнего в их никчемной жизни угощения. С такими мыслями они буквально прилетели к месту высадки врага, и притаились словно хищник на охоте за деревьями, подступавшими к широкому галечному побережью.

– Три боевых, – тихо произнес Лар, выслушав доклад разведчиков. – Надо что-то сделать с ними, иначе они накроют нас стрелами.

– Я возьму их на себя, – вызвался эльф. – Их стрелки не смогут сделать и залпа.

– Но это будет тебе стоить значительную часть твоей жизненной силы, – призвал его одуматься Старэт.

– Всего несколько дней, но это спасет жизни многих и позволит нам победить, – эльф улыбнулся и шрам исказил его лицо, превратив в ужасающую маску. – Только предоставьте мне охрану, я не уверен, что смогу отвлечь внимание от кораблей, дабы защитить свою жизнь.

– Само собой, – кивнул лохат двадцать третьего лохоса.

Бой начался внезапно. Эльфа окутало синим сиянием, отчего он стал виден всем, кто был на широкой полосе берега. Свечение разгоралось. Трое воинов мгновенно прикрыли его щитами. В следующее мгновение один из трех боевых кораблей, чьи силуэты выделялись на фоне темно-фиолетового

неба, начавшего разгораться первыми звездами. Воины врага, расположившиеся рядом с кострами на ночь, вскочили на ноги от удивления, во все глаза глядя в море. Корабль набух, словно морская губка, набравшая в себя слишком много воды, его силуэт загорелся ярко синим пламенем, и в следующее мгновение он разлетелся на горящие щепки, на мгновение взбухнув огромным огненным шаром. Воины, что все еще остались сидеть у костров, вскочили на ноги, хватая оружие и щиты. Командиры попытались навести хоть какое-то подобие боевого порядка, не забывая озираться по сторонам в поиске тех, кто уничтожил боевой корабль, чьи горящие останки разметало по воде.

Мирэйский эльф глубоко вздохнул и задержал дыхание. Его пальцы зашевелились, как и губы, шептавшие что-то на эльфийском. Он собирал магию, окутывавшую его ярким голубым светом, чтобы нанести второй удар, по уже начавшим разворачиваться боевым кораблям, готовым нанести удар по темневшему на берегу лесу. Прозвучала короткая, резкая команда, похожая на взмах меча, и в воздухе повис тихий непонятный звук. Люди на берегу были осыпаны стрелами. Они даже не успевали понять, откуда приходит смертоносный удар, лишь успевали коротко вскрикнуть и повалиться на землю, бездыханными или продолжая кричать от боли. Невидимые в темноте стрелы не только отбирали жизни и причиняли боль, они наводили ужас. Они вылетели из темного леса, сопровождаемые коротким и смер-

тоносным треньканьем, а после в полной тишине собирали свою жатву. Сделав залп, лучники опустили луки, вытаскивая новые стрелы из пучка воткнутых перед ними в землю. Резкая команда – и стрелы сорвались с тетивы, черной тучей преодолевая короткое расстояние между невидимыми стрелками и их жертвами, стальные жала безжалостно разрывали ткань и вгрызались в плоть своих жертв.

Бездонно-черный силуэт боевого корабля, на палубе которого уже заряжали катапульты, а лучники занимали свои места вдоль бортов, начал светиться ярко-голубым светом. Люди, затаившиеся в прибрежном лесу, замерли, наблюдая, как забегали по кораблю люди, помня участь своих товарищей, чей корабль разорвало эльфийской магией. Несколько темных силуэтов перевалились через борт и с громким всплеском ушли в черную бездну моря. Корабль вспыхнул и с громким треском разрываемого дерева разлетелся на миллионы щепок. Острое дерево долетело до берега и ударило в спины собственного десанта. Эльф замер, переводя дух и собираясь с силами для последней атаки на корабли в эту ночь.

К третьему залпу лучников командиру десанта удалось навести подобие порядка. Враги империи Мирэй выставили щиты и сомкнули строй, прикрывая себя и своих братьев по оружию от смертоносных жал стрел. Четвертый залп мирэйцев захлебнулся. Стрелы впились в щиты воинов, словно пчелиные жала в плоть осмелившегося потревожить улей, но не причинив им особого вреда. Лишь несколько раненых

стали добычей. Третий корабль успел развернуться и раздался оглушительный щелчок. Лохаты невольно пригнулись, когда тяжелый камень, запущенный из корабельной катапульты, пронесся у них над головами, с треском ломая верхушки деревьев. Они слышали, как снаряд врезался в землю далеко за их спинами.

– Блиско, – хмыкнул Старэт.

– Когда эльф уберет корабль, надо покончить с этим делом, – кивнув, согласился Лар.

Эльф, будто услышав его слова, резко выдохнул какое-то слово на родном языке. Они ударили одновременно: эльф и катапульта. Корабль исчез в светло-голубом свете. Снаряд катапульты, захватив с собой шлейфом гибельный свет эльфийской магии. Камень со свистом пронесся над берегом, заливая все вокруг зловещим, мертвенно-белым светом и с ужасным грохотом упал за спинами мирэйцев, вспухнув большим шаром света. Но расчет катапульты не смог учесть свои ошибки: снаряд упал ближе, но не задел никого из мирэйских воинов.

– Все! Больше ждать нельзя, – решительно произнес Старэт, опуская забрало. – Империя, к бою! Смерти нет!

– Смерти нет! – взревели тысячи глоток, подхватывая старый, как мир девиз императоров.

В полном боевом порядке, сомкнув щиты, пехотные лохосы вышли из-за деревьев, где скрывались до этого момента. Свет костров сделал десант буквально слепым. Сгу-

сток непроницаемой тьмы, ощетинившийся копьями, наступал на выживших, что пытались организовать хоть какое-то подобие обороны на берегу. За спиной лохосов засияло яркое свечение, слепящее тех, кто на него смотрел, и над головами воинов пролетел сгусток оранжево-красного огня, врезавшись в изрядно потрепанный лучниками строй, противостоящий мирэйцам. Полыхнуло пламя, зловеще отразившись в наконечниках копий защитников империи. Захватчики и имперцы столкнулись, как две волны.

Они не произнесли ни слова. Только сцепились словно два больших хищника, впившихся зубами в загривки друг друга, и не желая разжимать челюсти. Захватчики не хотели раскрыть свои личности и потому лишь рычали, резко выдыхая при каждом ударе меча, который они наносили по щитам мирэйцев. Имперцам же не требовалось ничего говорить, они уже проревели девиз императоров, а теперь им оставалось только рвать зубами своего врага. Казалось, что время в одно мгновение превратилось в вязкую субстанцию, замерев на месте и не двигаясь, а люди, словно стрекозы в янтаре, пытались шевелить лапками и крылышками, чтобы выбраться из смертельной ловушки. Сошлись в противостоянии черная волна и береговая скала, на которую та накидывается с особой яростью. Мечи и кинжалы искали щели в защите воинов, а находя впивались в плоть, стараясь проникнуть как можно глубже. Так в молчании они и убивали друг друга, пока хватчики не дрогнули, не побросали в большинстве

своим оружием и не ринулись бежать в разные стороны, оставив лишь своего командира в окружении имперцев. Но далеко уйти они не смогли: из леса вылетели всадники и включились в охоту.

Судя по тому, как на него смотрели все остальные пленники, предводитель отряда захватчиков с особым презрением буравил взглядом лохатов империи, облаченных в доспехи со всеми регалиями. Его же черные доспехи и плащ были девственно чисты, ничто не говорило о его статусе в армии захватчиков. Мужчины разглядывали его словно диковинную зверушку, которая посмела накинуться на них, понимая, что шансов у нее нет. Старэт усмехнулся, хотя его улыбки никто и не заметил в ночной тьме.

– Кто вы? И кто осмелился напасть на Мирэй, забыв о последствиях? – пророкотал Лар, обращаясь к пленнику. Кажется, что это камнепад в горах роняет слова на голову захватчика.

Тот молчал, продолжая улыбаться, глядя в лица мирэйцам. Белый свет Селеры заливал его лицо, превращая глаза в глубокие черные провалы.

– Отвечайте, – голос Старэта был спокоен, в отличие от Лара. – Вам уже ничего не поможет.

Пленник молчал.

– Ну же! Кто вы? Кто ваш хозяин?

Пленник открыл рот. Все подались вперед, готовясь услышать столь важные сведения. В следующее мгновение они

поняли, что ничего не добьются от него. Пленник с силой щелкнул челюстями и в лица офицеров мирэйской армии брызнула кровь. Она заливала подбородок коленопреклоненного воина, превращая его бледное в свете Селеры лицо в жуткую маску.

– Проклятье! —прошипел Старэт, шагнув вперед.

– Бесплезно, лохат. Он откусил себе язык, чтобы мы не смогли развязать ему его, – покачал головой Триян. – Теперь это бесполезный для империи кусок мяса.

– Будь оно все проклято, – выплюнул Лар. – Благоклонность богов не вечна.

– Позвольте мне? – в свете серебряной луны эльф казался эфемерным.

– Говори, – кивнул Старэт.

– Отвезем его в столицу. Великий маг найдет способ выудить нужные нам сведения.

– И то верно... Сворачиваемся! Пойдем ночным маршем, нам нужно торопиться, – велел Старэт. – Этого связать и в обоз.

Быстротечный ночной бой закончился победой империи, но это была лишь маленькая частичка большого пожара, в пламени которого гибла империя Мирэй, отчаянно сопротивляясь. Через четверть хоры имперские лохосы были на марше, загрузив тела погибших братьев по оружию, которых собирались предать земле в ближайшей деревне. Отдохнув всего две хоры, на рассвете они вновь зашагали по ста-

рому военному тракту, словно большая металлическая змея в поисках новой добычи. Они уже вступили в эту войну, и она показала им свои клыки.

*Четвертый месяц весны стакар. Двадцатый
шестой день месяца.*

144 год от рождения империи

Сириль внимательно наблюдал за морем. Оно было спокойно и безмятежно, ничто не говорило о том напряжении, которое царило в городе и порту. Взгляд мужчины скользил по водной глади, пронизанной солнечными лучами, которые придавали ей зеленоватый бирюзовый оттенок, такой же, как и глаза Сириля. Лохат наблюдал за тем, как маневрировали корабли в бухте Лайи. Они готовились к атаке с моря, которая могла случиться в любое мгновение. Первые корабли ушли в море сразу после того, как к правителю города прибежал эльф, принявший магическое сообщение от своего собрата, отправившегося в столицу вместе с лохосами. Им хватило двух хор, чтобы разработать план обороны города, и вот уже целую хору он воплощался в жизнь. В границах Лайи остался один пехотный лохос, остальные были выведены за стены, и спрятаны в окружающих город лесах. В их задачу входило обрушиться всей своей мощью на тылы

посмевающих напасть на Лайю врагов. Корабли покидали тесную гавань, отходя от причалов и скрываясь за прибрежными скалами, оставив лишь небольшую приманку из пяти кораблей для тех, кто осмелится напасть на город с моря. Сириль наблюдал за тем, как уходили последние корабли, скрываясь за выступом скалы. Солнце медленно спускалось к скалистому берегу. Лайя замерла в ожидании неизбежной беды, которая надвигалась на нее неизвестно откуда. Им хватило нескольких хор, чтобы выстроить защиту, а теперь оставалось только ждать возможного удара.

Сириль обернулся, услышав быстрые, уверенные шаги за спиной. Правитель Лайи Эстилэй ат Красс Вигаль облокотился на перила рядом с дядей императора и посмотрел на бухту вверенного ему города. Это был внушительный человек, из тех, что вызывают уважение одним своим видом: массивный, привыкший всю свою жизнь носить доспехи, с широкими ладонями, которые были хорошо знакомы с рукоятью меча, лицо его было мощным, таким же, как и его тело, с крупными чертами, которые уродовал широкий багровый шрам, что тянулся через бровь и щеку, а затем через шею терялся где-то за воротником. Его голова была седа от прожитых годов и пережитых сражений. Сириль знал, что рана была получена Эстилэем в одном из приграничных конфликтов, что столь часто вспыхивают на границе с Саргоссой, но сам правитель Лайи не любил говорить об этом. Слишком болезненны были эти воспоминания. Известно бы-

ло, что из половины илы выжили лишь он и еще один воин.

– Пришли понаблюдать за тем, как мы выстраиваем оборону, правитель? – Сириль улыбнулся, стараясь сохранить беззаботный вид, хоть и получалось у него это плохо: нахмуренные брови и пролегшая через лоб складка говорила об обратном.

– Да что тут наблюдать, лохат, когда она уже вами налажена? – усмехнулся Эстилэй, отчего шрам его дрогнул и превратил лицо в жуткую маску, пугавшую врагов, невольно вздрогнул и Сириль. – Теперь нам осталось заманить врага в эту ловушку и попробовать лишить его части флота.

– Для этого у нас выгодная позиция. Мы знаем об их намерениях и планах, и мы готовы их встретить.

– Я велел расставить и замаскировать оксибелесы на башнях. Как только корабли подойдут на расстояние полета кувшина с маслом – мы атакуем. Надеюсь, они сгорят ко всем демонам Ула.

– Боюсь, Улу не нужны такие жалкие трусы, – усмехнулся Сириль.

– Вы правы, лохат. Улу ни к чему эти жалкие душонки, которые пришли убивать и грабить ослабевшего дракона. В чем смелость такого подвига? Они не способны принести ему пользу. Как тогда мы поступим с ними? – смех Эстилэя прогрехотал словно камнепад в горах.

– Можно отправить их к богу смерти эльфов, – пожал плечами Сириль. – Он не столь благороден и не церемонится

с теми, кто не достоин благодатных садов Подземного мира.

– Поверю вам на слово, лохат. Вы лучше меня знаете обычаи Элеана, – Эстилэй кивнул на заостренные уши Сириля, которые достались ему от отца и эльфийских предков.

– К сожалению, или к счастью... Я уж не знаю, как это оценить. Я не прожил в Элеане ни дня с момента своего рождения. Вся моя жизнь связана с империей. Как и моя судьба. Но традиции предков я прекрасно знаю, лэй. Как и чаяния их богов.

Они молча смотрели на бирюзовые волны, набегавшие на причалы и бившиеся о борта оставшихся там кораблей. Казалось, что море радовалось свободе, которую получило пусть и на время. Волны быстро вырастили белоснежных барашков на своих гребнях, отчего бухта казалась веселой и праздничной, и словно не подозревавшей, что ей предстоит стать полем кровавой битвы. Лишь на вечерней заре, когда небо расцветило красными всполохами, уходящего на ночной покой светила, а восток окрасился темно-синим, с едва видимыми крапинками звезд, горизонт закрыли паруса.

– Начинается, – пробормотал Сириль, надевая шлем, что лежал рядом с ним. – Скоро и наш выход, правитель.

– Да благословит нас Ун своей милостью и храбростью, – кивнул Эстилэй.

– Да дарует он нам победу в милости своей, – продолжил традиционные для воинов слова Сириль, и тут же взревел: – Смерти нет!

– Смерти нет! – пронеслось эхом по стенам и улицам Лайи, заметалось и стихло.

В полной тишине, воцарившейся в городе, приближались к причалам паруса, заслонившие собой горизонт от края и до края очерченной скалами бухты. Они приближались в полной тишине, лишь зловещий скрип снастей и шелест волн нарушали ее. В Лайе напряженно ждали, в такой же тишине, которую нарушали лишь звуки хлопавших на ветру баннеров лохосов.

– Сколько их по вашим подсчетам? – спросил Эстилэй.

– Кораблей пятьдесят, – Сириль напряженно всматривался в море. – Может быть чуть больше.

– Пусть подойдут поближе, чтобы наверняка ударить.

– Меня тревожит иное. Если они высадили еще несколько отрядов, мы можем оказаться зажатыми в клещи.

– Не думаю, лохат, – покачал головой Эстилэй. – Наши силы значительны. А что могут привезти пять десятков боевых кораблей? Не думайте об этом, лохат. У нас достаточно воинов, чтобы отбить любую атаку.

– Почему они атакуют Лайю столь малыми силами? – Сириль, наконец, понял, что именно тревожит его в этой атаке.

Эстилэй нахмурился, стоило лишь этому вопросу прозвучать в звенящей тишине.

– Это благодаря моим шпионам, – они не услышали, когда Варен ат Елар подошел к ним. – Они создали облик почти незащищенного города. Как видите, враг заглотнул эту на-

живку. Теперь ваша задача не дать им уйти отсюда живыми. Но хочу вам напомнить, что нам все еще нужен говорящий пленник.

– Не могу вам его обещать, Великий шпион, – усмехнулся Сириль. – Ход битвы невозможно предсказать точно.

Но все же попытайтесь сделать это, лохат. Если мы узнаем, кто союзник Серых островов, нам будет значительно проще.

– Я не спорю с вами, Великий шпион. Только... Только это все же сложно. Но я сделаю все возможное, чтобы захватить кого-либо из их командиров и передать его в ваши руки.

– Окажите мне такую любезность. Буду вам безмерно благодарен, лохат.

Корабли надвигались. Теперь можно было различить темные фигурки членов экипажей, которые сустились, готовясь к abordажу кораблей империи. Сириль поражался их самоуверенности. Перед ними у причалов замерли шесть кораблей, но ни один из атакующих капитанов не задал себе вопрос: где имперский флот? «Похоже они поверили в то, что весь наш флот погиб в Самате. Что ж... Их ожидает сюрприз», – на губах Сириля появилась ядовитая усмешка.

По взмаху его руки выстрелили оксигелесы, что стояли на стенах. Большие стрелы, окутанные огнем и дымом, устремились к кораблям, оставляя за собой прерывистый шлейф и тонкий вой разрываемого воздуха. С треском и грохотом снаряды врезались в корабли, срезая мачты, разрывая паруса, которые потом беспомощными рваными клочьями

свисали с канатов. По краю парусины пробежал огонь, грозясь перерасти в настоящий пожар. Стрелки принялись взводить оксибелесы.

– Хороший залп, – одобрительно кивнул Варен, наблюдая за тем, как факелами занялись пять кораблей. Их капитаны, отчаянно жестикулируя, приказывали своим экипажам маневрировать, чтобы выйти на открытую воду, где ни один горящий корабль не будет представлять опасности для своих собратьев. – Сколько уничтожено?

– Трудно говорить об уничтожении. Зацепили шесть. Это насколько я могу судить, – Сириль продолжал напряженно вглядываться в море. – Надеюсь, что мы успеем захлопнуть ловушку прежде, чем они догадаются.

– Успеем, лохат, – усмехнулся Варен. – Они слишком самоуверенны. А это, как вы знаете, до добра не доводит.

– Ун будет милостив к нам, своим детям, что сжимают рукояти мечей, – громким шепотом молился Эстилэй.

– Ун не оставит нас, – безотчетно ответил Сириль.

Снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском огня, лизавшего попавшие под удар корабли. Снова Сириль поднял и опустил руку. Снова с глухим звуком спустилась тетива. Снова все вокруг наполнил тихий вой больших стрел, разрубавших воздух, и стремившихся к своим жертвам. Снова оборвался он на полузвук, и сменился громким треском, вгрызавшихся в дерево стальных наконечников. Раненые корабли застонали.

– Захлопывайте ловушку, лохат, – произнес Варен, глядя на горизонт, который застилало черным и жирным дымом.

Думаю, вы правы, Великий шпион, – на лице Сириля появилась кривоватая усмешка, когда он увидел, что выход из бухты Лайи заперт имперским флотом.

Он махнул рукой и оксибелесы на башнях и стенах, засыпая корабли врагов снарядами. Воздух наполнился резкими звуками, какие бывают только в битве. Скрипели снасти, ревели горевшие паруса, разрывали со свистом воздух стрелы оксибелес, шипела вода, встречая горящее дерево, что в изобилии падало с кораблей. Посмевших бросить вызов империи зажимали в клещи.

– Помните об обещании, лохат, – напомнил Варен.

– Я не забыл вашу просьбу, Великий шпион. Мы постараемся захватить офицера, – Сириль кивнул, не отрывая взгляда от уничтожаемого флота.

Люди прыгали в воду с горящих кораблей, многие из которых уже сильно кренились на борт, то и дело черпая воду, сцепляясь парусами и мачтами. Мирэйские корабли ринулись в гущу боя сразу же, как только гарнизон Лайи прекратил обстрел. Они накинулись на врага, словно стая голодных акул или даже змееголовов, и буквально терзали их, раздирая на кровоточащие части. Лохос, замерший на стенах Лайи, внимательно следил за тем, чтобы никто не вырвался из западни. По сути этот бой перестал быть боем, превратившись в избиение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.